4Т

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
№ 49
2
Ц 504947

Заключеніе Императорской Академіи Наукъ по вопросу о свободѣ печати въ Россіи.

Разсмотрѣвъ докладъ Коммиссіи по вопросу о печати, Императорская Академія Наукъ находитъ, что въ интересахъ отечественнаго просвѣщенія въ высшей степени необходимы наискорѣйшія перемѣны въ положеніи печатнаго слова народовъ, обитающихъ въ Россіи. Произведенія печати, какъ въ самомъ появленіи своемъ, такъ и въ распространеніи и дальнѣйшемъ существованіи, подвержены сложной системѣ различныхъ стѣсненій, задерживающихъ правильный ходъ развитія знанія и образованія въ нашей роднѣ. Стѣсненія эти основываются лишь отчасти на опредѣленныхъ указаніяхъ закона, предусмотрѣвшаго рядъ во просовъ, которыхъ вообще не должна касаться печать, и рядъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ путемъ печати; но главнымъ образомъ, стѣсненія эти вытекаютъ существованіемъ предварительной цензуры, руководствующейся субъективнымъ усмотрѣніемъ, и изъ административнаго надзора за печатью, вооруженнаго карательною властью для преслѣдованія вреднаго направленія ея. Всѣ эти стѣсненія ставитъ печать въ такія условія, при которыхъ ей невозможно правдиво исполнять свои обязанности передъ страной. Особенно тяжело положеніе печати именно теперь, когда народы, населяющіе Россію, призваны Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля сего года къ участію въ законодательныхъ работахъ. Одна изъ гарантій общественнаго участія въ дѣлахъ страны—это свобода печати. Свобода печати несовмѣстима ни съ цензурнымъ усмотрѣніемъ, ни съ административными карами. Она можетъ быть обезпечена только такимъ закономъ, который, провозгласивъ право каждаго гражданина высказывать во всеуслышаніе свое мнѣніе, признаетъ подлежащимъ судебной карѣ преступное дѣяніе, совершаемое черезъ посредство печати. Къ выработкѣ проекта этого закона призвано состоящее подъ предсѣдательствомъ члена-корреспондента Академіи Наукъ Д. Ѳ. Кобеко Особое совѣщаніе для составленія новаго устава о печати. Императорская Академія Наукъ, препровождая Особому Совѣщанію докладъ Коммиссіи, выражаетъ надежду на то, что работы его приведутъ къ прочному установленію свободы печати въ Россіи.

Впрочемъ, и до выработки новаго устава о печати, печатное слово въ интересахъ просвѣщенія должно быть поставлено въ точное отношеніе къ положительнымъ требованіямъ закона и освобождено отъ многихъ стѣсненій. Такова и воля Законодателя, выраженная въ 8 п. Именного Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года. Для этого, по мнѣнію Императорской Академіи Наукъ, возможно было бы приступить теперь же, хотя бы и въ извѣстной

постепенности, къ осуществленію нѣсколькихъ освободительныхъ мѣръ въ интересахъ печати. Такъ желательно, не дожидаясь выработки новыхъ законовъ: 1) устранить предварительную цензуру; 2) прекратить дѣйствія иностранной и почтовой цензуры; 3) уничтожить установленныя за вредное направленіе въ органахъ печати административныя кары, признавъ освобожденными отъ таковыхъ существующія теперь повременныя изданія; 4) измѣнить правила, которыми устанавливается концессіонный порядокъ основанія повременныхъ изданій, а также открытія типографіи, книжной лавки, библіотеки и читальни; 5) освободить издателей повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, отъ внесенія залоговъ; 6) отмѣнить ст. 140-ю Уст. Ценз. Законы, содержащіеся въ Улож. о нак. (изд. 1885 г.) и въ Уст. о ценз. и печ., вооружаютъ судебныя учрежденія настолько полною властью для преслѣдованія преступленій и проступковъ, совершонныхъ путемъ печати, что въ 1865 году законодатель нашелъ возможнымъ установить одну только судебную отвѣтственность для книгъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Особое Совѣщаніе, состоящее подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Д. Ѳ. Кобеко, могло бы выработать временныя правила, положеніе свободной печати было бы согласовано съ дѣйствующими законами, и безотлагательно внести эти временныя правила на уваженіе Государственнаго Совѣта.

Особое Совѣщаніе, по мнѣнію Императорской Академіи Наукъ, не можетъ не остановиться на составленіи такихъ временныхъ, льготныхъ для печати правилъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему пришлось бы отказаться отъ содѣйствія безотлагательному осуществленію законодательныхъ предначертаній, удостоившихся уже Высочайшаго одобренія (п. V Высочайше утвержденнаго, 21 января сего года, положенія Комитета Министровъ). Безотлагательное осуществленіе перечисленныхъ въ статьяхъ 1, 2 и 4 п. V-го указаннаго положенія измѣненій, какъ это изложено въ докладѣ академической коммиссіи о печати, не можетъ быть достигнуто иначе, какъ путемъ немедленнаго, хотя бы и частичнаго, пересмотра въ законодательномъ порядкѣ статей Устава о цензурѣ и печати.

Изданіе временныхъ, льготныхъ для печати правилъ поможетъ ей съ терпѣніемъ ожидать справедливаго и полнаго освобожденія отъ всякихъ усмотрѣній и излишнихъ стѣсненій.

Записка о печати.

Состояніе просвѣщенія находится въ такой тѣсной зависимости отъ судебъ печатнаго слова, что Академія Наукъ, призванная служить благу русскаго просвѣщенія, не можетъ не высказать Совѣщанію своего мнѣнія о печальномъ положеніи, въ которомъ оно находится у насъ, благодаря нынѣ дѣйствующимъ цензурнымъ установленіямъ.

Никакая цензура не въ силахъ услѣдить за быстрымъ развитіемъ творческой мысли человѣка; но, принимая на себя надзоръ за дѣйствіями, которыя всего труднѣе уловить и, стремясь руководить ими, цензура часто задерживаетъ это развитіе и пріучаетъ общество къ изворотливости въ мышленіи. Писатели, изъ опасенія цензурныхъ преслѣдованій, принуждены подчинять индивидуальныя особенности своего творчества шаблоннымъ требованіямъ цензуры и научаются унизительному искусству обезцвѣчивать собственныя свои мысли и лишать ихъ первоначальной свѣжести, точности и изящества только для того, чтобы кое какъ втиснуть ихъ въ условныя иносказательныя формы. Не имѣя возможности свободно и съ должною послѣдовательностью воплощать свои мысли въ печатномъ словѣ, писатели чаще всего принуждены искажать ихъ именно въ тѣхъ областяхъ мышленія, которыя всего болѣе нуждаются въ сознательномъ соблюденіи извѣстныхъ правилъ: они пріобрѣтаютъ привычку выражаться обиняками, которые читающая публика иногда понимаетъ, а иногда и толкуетъ по своему. И чѣмъ строже цензура, тѣмъ труднѣе бываетъ довести ложное мнѣніе до логическаго абсурда или уличить критиковъ въ ложномъ пониманіи правильной мысли. При такихъ условіяхъ печатное слово теряетъ присущее ему значеніе могучаго и правдиваго органа духовнаго общенія, а литературная рѣчь утрачиваетъ благородство и становится тѣмъ «эзоповскимъ» языкомъ, которымъ обезображены многія изъ лучшихъ произведеній нашей литературы.

Итакъ, если правительство желаетъ содѣйствовать развитію просвѣщенія, оно должно благопріятствовать и развитію печатнаго слова; но его развитіе находится въ самой тѣсной связи съ примѣненіемъ къ нему общаго начала законности: безъ соблюденія этого начала, присущаго всякому правовому государству, положеніе печати нельзя считать упроченнымъ.

Возможно ли, однако, строго соблюдать начало законности при системѣ цензурныхъ установленій? И можно ли провести въ цензурѣ рѣзкую черту между закономъ, который не въ состояніи предусмотрѣть всего сложнаго развитія человѣческой мысли, и административнымъ или полицейскимъ усмотрѣніемъ, всегда готовымъ стать на мѣсто закона? Вѣдь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство, придерживающееся начала цензуры, не усматриваетъ въ «безцензурномъ» сочиненіи «прямого нарушенія какой

либо статьи карательнаго закона», оно иногда считаетъ нужнымъ подвергнуть его запрещенію; предоставляя органамъ администраціи обнаружить «вредное направленіе» даннаго произведенія печати, не поддающееся точному опредѣленію въ законѣ, правительство тѣмъ самымъ принуждено надѣлять ихъ широкою дискреціонною властью. Какимъ же образомъ, однако, цензоръ, не располагающій тѣми средствами, которыми пользуется судъ для разслѣдованія дѣла, установитъ, что право частнаго лица или правительства дѣйствительно было нарушено? И какимъ образомъ гарантировать печать отъ нарушенія ея собственныхъ правъ путемъ цензорскаго усмотрѣнія?

Просвѣщеніе не только требуетъ соблюденія начала законности примѣнительно къ печати, но признаетъ въ печатномъ словѣ важнѣйшій органъ для выраженія общественнаго мнѣнія. Въ правовомъ государствѣ допущеніе цензуры противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ его началамъ, хотя бы потому, что, предоставляя гражданамъ право принимать участіе въ обсужденіи общественныхъ потребностей, оно не дозволяетъ имъ свободно высказывать и распространять свои мнѣнія въ печати.

Такой запретъ не только вызываетъ принципіальныя возраженія, но едвали можетъ быть оправданъ и съ утилитарной точки зрѣнія. Вліяніе отдѣльнаго лица на общество, и общества на отдѣльныя лица, обнаруживается благодаря научной и изящной литературѣ, а также и преимущественно благодаря прессѣ; и чѣмъ печать свободнѣе, тѣмъ такой процессъ плодотворнѣе и тѣмъ малообразованная часть общества съ меньшею легковѣрностью поддается случайно возникшему слуху. Отношенія между правительствомъ и обществомъ также выясняются при помощи печати: ихъ взаимное довѣріе и уваженіе возможны лишь благодаря постоянному общенію ихъ другъ съ другомъ; а эти условія благопріятствуютъ возникновенію между ними и возможно большей общности убѣжденій, которая придаетъ такую нравственную силу государству. Безъ свободы печати правительство, особенно въ государствѣ съ такою громадною территоріей какъ русское, не можетъ быть хорошо и всесторонне освѣдомлено въ назрѣвающихъ потребностяхъ общественной жизни; оно не въ состояніи слѣдить за быстрымъ ростомъ этихъ потребностей и не можетъ своевременно предусматривать и подготовлять тѣ средства, которыми всего легче удовлетворить ихъ. Отказывая обществу въ правѣ свободно и во всеуслышаніе высказывать свое мнѣніе, правительство обрекаетъ себя на вѣчное блужданіе въ потемкахъ и на себя одного возлагаетъ тяжелую отвѣтственность за всѣ свои предпріятія, а въ томъ числѣ и за руководство общественнымъ мнѣніемъ, поскольку оно выражается въ печати.

Хорошо сознавая, что свобода печати въ частныхъ случаяхъ можетъ приводить и къ дурнымъ послѣдствіямъ, нельзя не признать, однако, что стѣсненіе ея еще вреднѣе отзывается на государственномъ благоустройствѣ и что благо, приносимое ею, во много разъ превышаетъ порождаемое ею зло. Свобода печати, напримѣръ, благопріятствуетъ иногда черезмѣрному размноженію измельчавшихъ органовъ печати; но таже свобода способствуетъ децентрализаціи ея и понижаетъ черезмѣрное значеніе столичной прессы, на ряду съ которой появляются провинціальные органы печати; чѣмъ число ихъ больше, тѣмъ разнообразнѣе теченія общественной мысли, нерѣдко сталкивающіяся между собой и взаимно уравновѣшивающія другъ друга. Свобода печати можетъ вызвать и нѣкоторыя злоупотребленія печатнымъ словомъ; но тотъ же принципъ, конечно, нисколько не исключаетъ отвѣтственности всякаго, кто употребитъ во зло свою свободу печатать то, что онъ

хочетъ; такая отвѣтственность должна, однако, падать на обвиняемаго не за направленіе его мыслей, и не за особый проступокъ печати, а за опредѣленное преступное дѣяніе, предусмотрѣнное закономъ всякаго правового государства и лишь совершенное обвиняемымъ черезъ посредство печати. И въ правовомъ государствѣ нарушеніе правъ частнаго лица или правительства черезъ посредство печати должно естественно вести къ наказанію виновнаго, но не иначе какъ обычнымъ судебнымъ порядкомъ.

Само собою разумѣется, что просвѣщеніе зависитъ не только отъ свободы печатнаго слова, но и отъ свободы печатнаго дѣла: всякое изданіе является вмѣстѣ съ тѣмъ предпріятіемъ, успѣхъ котораго обусловленъ степенью свободы, предоставленной издателямъ и книгопродавцамъ. Цензура нисколько не благопріятствуетъ ихъ дѣятельности: значительно увеличивая рискъ издательской предпріимчивости, она обыкновенно прибѣгаетъ къ концессіонной системѣ, а иногда даже способна лишить издателя возможности осуществлять нѣкоторыя изъ принадлежащихъ ему гражданскихъ правъ. Просвѣщеніе, тѣсно связанное съ книжнымъ дѣломъ и съ распространеніемъ произведеній печати, которое постоянно стѣсняется цензурой, настоятельно нуждается въ предоставленіи издателямъ и книгопродавцамъ свободы книгоиздательства и книжной торговли на общихъ началахъ всякаго промышленнаго и торговаго предпріятія.

Таковы тѣ просвѣтительныя начала, которыя давно уже стали проникать въ европейскія законодательства и, благодаря которымъ, только и можетъ возникнуть печать, правильно понимающая призваніе свое служить благу отечества.

Тѣмъ не менѣе эти начала все еще остаются почти чуждыми нашимъ законамъ о печати.

Свободное появленіе и распространеніе печатнаго слова въ Россіи ограничивается въ настоящее время цѣлымъ рядомъ законоположеній и административныхъ распоряженій. Стѣсненія эти могутъ быть распредѣлены на восемь категорій: 1) препятствія къ свободному воспроизведенію мысли, 2) уничтоженіе, прекращеніе, пріостановка періодическихъ и непериодическихъ изданій, 3) запрещеніе появленія печатнаго слова независимо отъ выражаемой имъ мысли, 4) затрудненія, направленныя противъ появленія печатнаго слова вообще и въ частности противъ появленія періодическихъ изданій, 5) мѣры, задерживающія распространеніе печатныхъ произведеній русскихъ и заграничныхъ, 6) монополія на изданіе нѣкоторыхъ книгъ, 7) положительныя указанія закона и административныя распоряженія, воспрещающія печатаніе тѣхъ или иныхъ свѣдѣній въ интересахъ государства, общественной нравственности и частныхъ лицъ, 8) права литературной собственности. Перечислимъ вкратцѣ законоположенія и административныя распоряженія, относящіяся къ каждой изъ указанныхъ восьми категорій.

Препятствія къ свободному воспроизведенію мысли заключаются въ существованіи предварительной цензуры, свѣтской или духовной (по принадлежности), для всѣхъ вообще выходящихъ въ предѣлахъ Россіи и Царства Польскаго періодическихъ и непериодическихъ произведеній съ нижеслѣдующими, впрочемъ, изъятіями. Не подлежатъ предварительной цензурѣ: а) въ обѣихъ столицахъ: 1) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ и 2) всѣ переводы объемомъ не менѣе двадцати

печатныхъ листовъ; б) повсемѣстно: 1) повременныя изданія, получившія отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на выходъ безъ предварительной цензуры, 2) всѣ изданія правительственныя, 3) всѣ изданія Академій, Университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій, 4) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ (ст. 6 Уст. Ценз.), 5) литографированныя лекціи и конспекты университетовъ и Медицинской Академіи, издаваемые самими преподавателями (Выс. утв. положеніе Особ. Комитета объ учащихся въ уч. зав. 8 іюля 1869 г. и Цирк. Мин. Вн. Д. 9 ноября 1869 г. и 30 ноября 1887 г., № 4627). Но и эти изданія подлежатъ отчасти предварительному цензурному разсмотрѣнію: находящіяся въ нихъ эстампы, рисунки и другія изображенія подлежатъ общей цензурѣ (ст. 8 Уст. Ценз.); мѣста, касающіяся церковнаго служенія, жизнеописанія святыхъ, изъясненія Священнаго Писанія, изложенія истинъ, относящихся къ основаніямъ христіанской вѣры, а равно догматовъ Православной Церкви и предметовъ церковнаго управленія, подлежатъ разсмотрѣнію духовной цензуры (ст. 8, 31, 32, 226—228 Уст. Ценз. и Рѣш. Угол. Касс. Деп. 1867 г. № 491); сообщенія и статьи обо всѣхъ предметахъ, касающихся Его Императорскаго Величества, Особъ Императорской Фамиліи и иностранныхъ Августѣйшихъ Особъ, во время пребыванія ихъ въ Россіи, печатаются не иначе какъ съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора (ст. 73 Уст. Ценз. и дополненіе къ ней по прод. 1902 г.); состоявшіяся на земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, а также сужденія, пренія и рѣчи печатаются не иначе какъ съ разрѣшенія высшей мѣстной администраціи (ст. 82 Уст. Ценз. по прод. 1902 г.); сообщенія о судебныхъ засѣданіяхъ также подлежатъ въ извѣстныхъ случаяхъ предварительному разрѣшенію (ст. 77, 78 Уст. Ценз.).— Для наблюденія за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній, а также въ виду опасенія, что безцензурное изданіе можетъ оказать особенный вредъ, за всѣми изданіями, освобожденными отъ предварительной цензуры, учрежденъ надзоръ, осуществленіе коего до выхода изданія въ свѣтъ достигается требованіемъ, чтобы освобожденное отъ предварительной цензуры, напечатанное или налитографированное сочиненіе (хотя бы изданное правительственными учрежденіями, университетами, учеными установленіями) представлялось цензурѣ за семь дней до выпуска въ свѣтъ (ст. 143 Уст. Ценз.), далѣе, чтобы экземпляры каждаго выпуска повременнаго изданія, выходящаго въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю, представлялись въ Цензурные Комитеты за четыре дня до разсылки его подписчикамъ, и чтобы экземпляры каждаго нумера газеты и вообще повременнаго изданія, выходящаго не менѣе одного раза въ недѣлю, доставлялись туда же одновременно съ приступомъ къ окончательному печатанію того нумера (ст. 137 Уст. Ценз.). Выходящее же безъ предварительной цензуры повременное изданіе, возобновившееся послѣ вызванной третьимъ предостереженіемъ пріостановки, обязывается представлять нумера изданія для просмотра въ Цензурные Комитеты не позже одиннадцати часовъ наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ (прим. къ ст. 144 Уст. Ценз.).—Такимъ образомъ въ Россіи нѣтъ ни одного изданія освобожденнаго отъ просмотра цензуры: одни изданія просматриваются до напечатанія ихъ, а другія по напечатаніи, но до выпуска въ свѣтъ.

Наблюденіе за печатью подцензурной имѣетъ слѣдствіемъ недопущеніе, задержку книги или нумера періодическаго изданія, въ цѣломъ объемѣ или въ извѣстной лишь части ихъ. Надзоръ за печатью, освобожденной по

закону отъ цензуры, ведетъ за собой уничтоженіе отпечатанныхъ книги или нумера, а также временное или совершенное прекращеніе періодическаго изданія. Право уничтоженія книги или нумера періодическаго изданія принадлежитъ Комитету Министровъ по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 149 и 150 Уст. Ценз.). Право пріостановки періодическаго изданія за неисполненіе требованія о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 156 Уст. Ценз.). Кромѣ того третье предостереженіе пріостанавливаетъ продолженіе изданія на срокъ, который назначается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ при объявленіи предостереженія, но не свыше шести мѣсяцевъ (ст. 144 Уст. Ценз.). Нумеръ безцензурнаго изданія, возобновившійся послѣ третьяго предостереженія, можетъ быть задержанъ наблюдающимъ за нимъ цензоромъ (прим. къ ст. 144 Уст. Ценз.). Право пріостановки періодическаго изданія, подлежащаго предварительной цензурѣ, на срокъ до восьми мѣсяцевъ за вредное направленіе предоставляется Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а на Кавказѣ Главноначальствующему гражданскою частью (ст. 154 Уст. Ценз. и прим. къ ней по прод. 1902 г.). Пріостановка безъ срока или совершенное прекращеніе повременныхъ изданій (притомъ также и подцензурныхъ) принадлежитъ особому совѣщанію изъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокурора Св. Синода, при участіи сверхъ того и тѣхъ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы (прим. къ ст. 148 Уст. Ценз.).

Запрещеніе печатнаго слова независимо отъ выражаемой имъ мысли касается изданій на малорусскомъ языкѣ. Высочайшія повелѣнія 1876 и 1881 года воспретили печатать по малорусски чтобы то ни было кромѣ беллетристическихъ произведеній, историческихъ документовъ и памятниковъ, а также словарей. Только недавно Высочайше утвержденнымъ 25 февраля положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено печатать по-малорусски переводы Св. Писанія. Подобное же запрещеніе тяготѣетъ надъ раскольничьими богослужебными книгами (Уст. о пред. и пресѣч. преступл., ст. 50).—Разсужденія о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, а также о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ дозволяются только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ (подлежащихъ предварительной цензурѣ) изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ (ст. 99 Уст. Ценз.).

Къ числу затрудненій, направленныхъ противъ появленія печатнаго слова вообще, относится (кромѣ вышеперечисленныхъ узаконеній, явнымъ образомъ затрудняющихъ такое появленіе) концессіонный порядокъ, установленный для открытія типографій и литографій; разрѣшеніе на открытіе ихъ, сохраняющее при томъ силу только въ продолженіи двухъ лѣтъ, дается высшей мѣстной администраціей по ея усмотрѣнію; отъ нея же зависитъ разрѣшить передачу этихъ заведеній отъ одного лица другому (ст. 158 по прод. 1902 г., 159, 160 Уст. Ценз.). Стремленіе затруднить появленіе повременныхъ изданій выразилось, во-первыхъ, въ концессіонномъ порядкѣ, установленномъ для газетъ, журналовъ, періодическихъ сборниковъ; разрѣшеніе на такія изданія дается по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который долженъ быть освѣдомленъ о программѣ изданія, о срокахъ выхода въ свѣтъ, о подписной цѣнѣ изданія, объ имени и жительствѣ издателя и отвѣтственнаго редактора, при чемъ на перемѣну редактора испра-

шивается разрѣшеніе у того же Министра (ст. 117, 118, 122 Уст. Ценз.); во-вторыхъ, то же стремленіе сказалось въ установленіи значительныхъ по суммѣ залоговъ для повременчыхъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры (ст. 126 и 127 Уст. Ценз.).

Къ мѣрамъ, задерживающимъ распространеніе печатныхъ произведеній, относится, во-первыхъ, концессіонный порядокъ, установленный для открытія книжнаго магазина, лавки, кабинета для чтенія (читальни), библіотеки, безплатной народной читальни: разрѣшеніе дается по усмотрѣнію мѣстной администраціи или духовенства по принадлежности (ст. 175 и прим. къ ней Уст. Ценз. и Правила о безпл. чит., утвержд. Мин. Вн. Дѣлъ 15 мая 1890 г., Циркул. Мин. Вн. Дѣлъ 14 дек. 1867 г. № 3510). За симъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а на Кавказѣ Главноначальствующему гражданскою частью предоставляется закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни въ случаѣ признанной въ томъ необходимости (Уст. Ценз.: прим. 1 къ ст. 175 и прим. 2 къ ней же по прод. 1902 г.). Во-вторыхъ, сюда относится право (Министра Внутреннихъ Дѣлъ?) запретить уже напечатанную съ дозволенія цензуры книгу и обязать книгопродавцевъ не имѣть и не продавать оной (ст. 188 Ценз. Уст.). Въ-третьихъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется воспрещать продажу отдѣльныхъ нумеровъ повременныхъ изданій на улицахъ, площадяхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ (ст. 178 Уст. Ценз. и III ст. Выс. утверж. 21 янв. 1905 г. положенія Комит. Мин.). Въ-четвертыхъ, ввозъ нѣкоторыхъ изданій изъ-за границы воспрещенъ безусловно: сюда относятся малорусскія книги, напечатанныя въ Галиціи, независимо отъ ихъ содержанія (Выс. повелѣніе 18 мая 1876 г.); далѣе раскольничьи богослужебныя книги (Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 51); наконецъ, книги Священнаго Писанія, изданныя за границей на русскомъ или славянскомъ языкахъ (Выс. пов. 27 іюля 1787 г.). Въ-пятыхъ привозимыя изъ-за границы книги, газеты и журналы иностранная цензура и особые чины Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ имѣютъ право или дозволять къ обращенію съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, или запрещать ко всеобщему лишь въ публикѣ обращенію, или же запрещать безусловно (Уст. Ценз., ст. 181, 191 и прим. къ ст. 187 по прод. 1902 г.). Въ-шестыхъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ (прим. къ ст. 175 Уст. Ценз.); безплатныя народныя читальни могутъ имѣть у себя только тѣ книги и повременныя изданія, которыя значатся въ каталогѣ, изданномъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ Духовнымъ Вѣдомствомъ (Правила о безпл. нар. чит., утвержд. Мин. Вн. Дѣлъ 15 мая 1890 г.). Въ-седьмыхъ, Ученому Комитету Министерства Народнаго Просвѣщенія и Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ (по принадлежности) предоставляется давать указанія на то, какія именно книги могутъ находиться въ учительскихъ и ученическихъ библіотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Въ-восьмыхъ, Ученому Комитету Министерства Народнаго Просвѣщенія предоставляется одобрять тѣ или другіе учебники, учебныя пособія, книги для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства, а также для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ. Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніе руководствъ и книгъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ Совѣту Попечителя, заключенія котораго утверждаются Главноначальствующимъ гражданскою

частью на Кавказѣ; въ Варшавскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніе книгъ на польскомъ языкѣ принадлежитъ Совѣту Варшавскаго округа, заключенія котораго утверждаются Попечителемъ; въ Рижскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніе книгъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ предоставлено Совѣту Рижскаго учебнаго округа. Создавая привилегированное положеніе для однѣхъ книгъ, это право Ученаго Комитета и Совѣтовъ учебныхъ округовъ рѣшительнымъ образомъ задерживаетъ распространеніе другихъ книгъ.

Монополія на изданіе молитвенниковъ, книгъ церковныхъ, а также книгъ къ Св. Писанію, вѣрѣ или толкованію закона и святости относящихся принадлежитъ Св. Синоду (Высоч. повел. 27 іюля 1787 г., см. П. С. З. XXII №№ 16556 и 16564).

Положительныя указанія закона, препятствующія оглашенію тѣхъ или иныхъ свѣдѣній въ огражденіе интересовъ государства и частныхъ лицъ, изложены въ Уставѣ о цензурѣ и печати (ст. 74, 77, 78, 80, 81, 95, 96, 100, 102, 104) и Уложеніи о наказаніяхъ (ст. 245, 248, 251, 252, 1035, 1036, 1037, 1039, 1040). По силѣ 140 ст. того же Устава высшее правительство можетъ признать неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, того или другого вопроса государственной важности. Въ развитіе этой статьи изданъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати рядъ циркуляровъ, опредѣляющихъ, какихъ именно предметовъ освобожденныя отъ предварительной цензуры изданія не должны касаться. Въ развитіе ст. 40 Уст. Ценз. (по прод. 1886 г.), подчиняющей сочиненія медицинскія, а также народныя лѣчебники, поваренныхъ, кондитерскія и химико-экономическія книги вѣдомству Медицинскаго Совѣта, послѣднимъ издано нѣсколько ограничительныхъ для статей по вопросамъ медицинскимъ циркуляровъ.

Права собственности на произведенія наукъ и словесности также задерживаютъ распространеніе книгъ, въ особенности же право, перешедшее къ наслѣдникамъ собственника, не теряющее силы въ теченіе 50 лѣтъ со дня смерти сочинителя или переводчика или со времени появленія въ свѣтъ сочиненія, перевода или произведенія, не изданнаго до смерти его (Св. Зак. Гр. т. X, ч. I, ст. 1185 и ст. 11 Приложенія къ ст. 420, пр. 2).

Всѣ эти ограниченія ложатся тяжело одинаково на всѣхъ русскихъ подданныхъ. Но нѣкоторыя лица подлежатъ въ отношеніи печатнаго слова еще особымъ ограниченіямъ. Такъ редакторомъ повременнаго изданія не можетъ быть лицо, подвергшееся лишенію или ограниченію правъ состоянія или отдачѣ подъ надзоръ полиціи по судебному приговору (Уст. Ценз., ст. 123). Редакторы и издатели періодическихъ изданій, подвергшихся совершенному прекращенію и пріостановкѣ безъ опредѣленія срока, лишаются права быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій (Уст. Ценз., ст. 148 пр.). Разрѣшеніе на открытіе типографіи, литографіи, книжнаго магазина, книжной лавки или читальни дается только по удостовѣреніи благонадежности просителя. — Евреямъ разрѣшается открывать типографіи для печатанія въ оныхъ исключительно еврейскихъ книгъ во всѣхъ дозволенныхъ евреямъ для жительства мѣстахъ, а кромѣ того въ Петербургѣ, но только тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ постоянное пребываніе въ столицѣ (пр. къ 158 Уст. Ценз.). Лица, состоящія подъ духовнымъ начальствомъ и желающія помѣщать статьи свои въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, должны представлять оныя предварительно въ духовную цензуру (Указъ Св. Синода 1850 г. Сборн. узак. и распор. по дух. ценз., с. 138). Воспитанникамъ средне-

учебныхъ заведеній воспрещается выдача книгъ изъ общественныхъ библіотекъ, а также и посѣщеніе общественныхъ библіотекъ.

Сложная система стѣсненій свободы печатнаго слова въ Россіи можетъ быть объяснена только исторически. Она восходитъ къ болѣе простой системѣ, мѣтко охарактеризованной какъ крѣпостное состояніе печати. Корни этой простой системы, еще въ XVI столѣтіи примѣненной къ свѣтской литературѣ въ западно-европейскихъ государствахъ, заложены были въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, вѣкѣ видѣвшемъ смѣну свѣтлыхъ и темныхъ въ отношеніи къ просвѣщенію эпохъ. Но въ главныхъ чертахъ своихъ разсматриваемая система сложилась подъ вліяніемъ реакціонныхъ движеній второй половины царствованія Александра I и царствованія Николая I. Событія, которыми было ознаменовано вступленіе на царство императора Николая I, сообщили реакціи особую силу; она отразилась на положеніи печати и 10 іюня 1826 года утвержденъ былъ цензурный уставъ, суровый и совершенно отвлеченный, задавшійся къ тому же цѣлью воспитывать общество посредствомъ цензуры въ извѣстныхъ направленіяхъ. Уже 22 апрѣля 1828 г. его смѣнилъ новый уставъ о цензурѣ, гдѣ ей были отведены болѣе узкія и прямыя цѣли и гдѣ стѣсненія печати были значительно смягчены. Уставъ 1828 года для того желѣзнаго вѣка, когда онъ возникъ, можно назвать даже либеральнымъ, но дѣйствительное положеніе печати опредѣлилось не имъ, а тѣми реакціонными стремленіями власти, которыя питались событіями, ничего общаго съ внутренней жизнью страны не имѣвшими, событіями какъ іюльская революція 1830 г. во Франціи и революціонный пожаръ 1848 года, охватившій всю среднюю Европу. Эти событія вызвали противъ печати рядъ репрессивныхъ мѣръ, вся тяжесть которыхъ можетъ быть понята не столько по законодательнымъ актамъ, сколько по самой цензурной практикѣ того времени. Со вступленіемъ на престолъ Александра II для всей русской жизни началась новая эра; фактически стало легче и печати. Но правительство медлило освободить печать отъ цензурныхъ оковъ законодательнымъ актомъ; оно медлило вооружить общество тѣмъ дѣйствительнымъ средствомъ, которое одно могло бы исцѣлить всѣ недуги, вызванные предшествующею мрачною эпохой и расчистить вмѣстѣ съ тѣмъ правительству путь для начинаній, направленныхъ ко благу всей страны. Результаты недовѣрія къ обществу сказались весьма быстро: печатью воспользовалась противоправительственная агитація, и тайныя типографіи стали печатать прокламаціи. Это вызывало подозрительное отношеніе къ печати вообще, и вмѣсто ожидаемаго твердаго закона, вмѣсто новой великой реформы, подобной тѣмъ, которыя освободили крестьянство, создали новые суды, призвали къ жизни земскія учрежденія, русское общество въ 1862 и 1865 годахъ получило временныя правила, которыми во-первыхъ, отмѣнялись многіе наросты на цензурный уставъ 1828 года, явившіеся въ предшествующее царствованіе, и точно опредѣлялись правила въ руководство цензурѣ (законъ 12 мая 1862 г.) и во-вторыхъ, вводился рядъ облегченій въ положеніе печати, а именно: изъятіе нѣкоторыхъ видовъ печати отъ предварительной цензуры, подчиненіе безцензурныхъ сочиненій и переводовъ исключительно судебной отвѣтственности, а повременныхъ изданій отвѣтственности судебной и административной (законъ 6 апрѣля 1865 г.). Временныя правила 1865 года являются поворотнымъ пунктомъ въ нашемъ законодательствѣ о печати: впервые допущены начала свободы отъ предварительной цензуры и отвѣтственности печати передъ судомъ. Но начала эти

введены были въ жизнь робкой рукой законодателя, пугливо озиравшагося на грозное прошлое и не признавшаго печати лучшей своей союзницей, защитницей государственныхъ и общественныхъ устоевъ. Въ правилахъ 1865 года, образцомъ для которыхъ послужилъ декретъ о печати, изданный въ 1852 году Наполеономъ III, начала эти переплетены съ другими началами, навѣянными недовѣрчивымъ и несправедливымъ отношеніемъ къ печати. Печать — это опасная для государства сила, въ борьбѣ съ которой надлежитъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ; печать это зло, которое должно быть по возможности ограничиваемо въ своемъ распространеніи. Вотъ тѣ пагубныя начала, которыя перешли въ правила 1865 года изъ Наполеоновскаго секрета и отразились раньше того въ правилахъ 1862 года и нѣкоторыхъ другихъ законодательныхъ актахъ той эпохи. Правилами 1865 года устанавливается дискреціонное право Министерства Внутреннихъ Дѣлъ надъ повременною печатью: отъ него зависитъ разрѣшеніе издавать газету, журналъ, періодическій сборникъ съ предварительной цензурой или безъ цензуры, ему предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ предостереженія, при чемъ третье предостереженіе пріостанавливаетъ продолженіе изданія на срокъ, опредѣляемый Министромъ. Ср. съ этимъ права, предоставленныя Министру Внутреннихъ Дѣлъ правилами 1862 года въ отношеніи періодическихъ изданій подцензурныхъ: однимъ изъ нихъ онъ разрѣшаетъ печатать политическія разсужденія, другимъ воспрещаетъ; каждое такое періодическое изданіе онъ можетъ прекращать на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ; ср. также Высочайшее повелѣніе 12 мая 1863 года, предоставившее министру Внутреннихъ Дѣлъ по его личному усмотрѣнію прекращать помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ частныхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ. Правила 1865 года проводятъ различіе въ отношеніи къ цензурѣ между объемистой книгой, заключающей не менѣе десяти листовъ и книгой меньшаго объема: объемистая книга въ Москвѣ и Петербургѣ освобождена отъ предварительной цензуры, между тѣмъ какъ книга меньшаго объема подлежитъ предварительной цензурѣ. Ср. подобное различіе въ правилахъ 1862 года: политическія разсужденія, а также разсужденія о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ дозволяются ими только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ. Слѣдовательно, въ правилахъ 1865 года отразился тотъ же взглядъ на нежелательность распространенія печатнаго слова въ широкіе слои общества, который руководилъ и составителями правилъ 1862 года. Узаконивая такой взглядъ, временныя правила 1865 года, которымъ суждено было стать провозвѣстниками лучшихъ началъ въ жизни нашей печати, все еще ожидающей для себя обновленія, эти правила надолго отодвигаютъ благодѣтельныя для свободнаго русскаго слова реформы. Вводя дискреціонную по отношенію и къ безцензурной повременной печати власть Министра Внутреннихъ Дѣлъ, правила 1865 года привили сами себѣ язву, отъ которыхъ погибли и тѣ облегченія, которыя они хотѣли дать отечественному слову «Административныя взысканія — писалъ М. А. Корфъ въ 1863 году — это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благоразумные люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предварительная цензура, ибо наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ».

И язва эта — административный произволъ — стала быстро увеличиваться насчетъ здоровыхъ началъ, заключавшихся въ правилахъ 1865 года. Уже въ

концѣ шестидесятыхъ годовъ администрація перестаетъ обращаться къ суду съ жалобами на печать: судебная отвѣтственность, возбуждаемая по закону Совѣтомъ Главнаго Управленія и Цензурнымъ Комитетомъ, фактически прекращается; администрація, очевидно, находитъ иныя средства воздѣйствія противъ строптивыхъ сочинителей, редакторовъ и издателей. Въ 1872 году средства къ этому предоставляются самимъ закономъ: законъ 7 іюня дѣлаетъ совершенно излишнимъ обращеніе къ суду (остающееся, впрочемъ, невозбраненнымъ), ибо онъ разрѣшаетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ хлопотать объ уничтоженіи задержанной имъ книги или нумера повременнаго изданія передъ Комитетомъ Министровъ; судьба книги и нумера повременнаго изданія ставится въ зависимость не отъ рѣшенія судебнаго мѣста, какъ то предписывалъ законъ 1865 года, а отъ постановленія Комитета Министровъ. Законъ 1865 года устанавливалъ сроки между представленіемъ книги въ цензурные комитеты и выпускомъ ея въ свѣтъ для того, чтобы дать цензурному вѣдомству возможность своевременно задержать признанное особенно вреднымъ произведеніе и возбудить судебное преслѣдованіе противъ виновнаго; законъ 7 іюня 1872 года сохранилъ эти сроки (продливъ нѣкоторые изъ нихъ) для осуществленія дѣйствительнаго цензурнаго надзора надъ безцензурнымъ изданіемъ. Законъ 1865 года стремился къ проведенію начала строгой законности въ отношеніе администраціи къ печати; но естественное развитіе другого противоположнаго начала поставило безцензурную печать въ совершенно безправное состояніе: оно выразилось между прочимъ въ совершенномъ непризнаніи имущественныхъ правъ сочинителя и издателя. Система предварительной цензуры ставитъ въ безправное положеніе автора рукописи или въ худшемъ случаѣ собственника корректурнаго оттиска; но она не нарушаетъ ничьихъ имущественныхъ интересовъ; печатное произведеніе признается имуществомъ; посему, напечатавшій дозволенную и потомъ запрещенную книгу, получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный чрезъ то убытокъ (ст. 180 Уст. Ценз.); перепечатка, до выпуска всей книги, листовъ, ошибочно одобренныхъ цензоромъ, дѣлается на счетъ цензора (ст. 24); убытки отъ перепечатанія нѣкоторыхъ листовъ книги, подвергшейся вторичному пересмотру цензуры, возмѣщаются собственнику книги (ст. 52). Законъ 7 іюня 1872 прямой, хотя и незаконный, отпрыскъ правилъ 1865 года—совершенно уклоняется отъ такой точки зрѣнія на имущественныя права собственника напечатаннаго произведенія: Комитету Министровъ предоставляется право уничтожить экземпляры признанной имъ вредной книги безъ всякаго возмѣщенія немалыхъ убытковъ сочинителя и издателя (уничтожаются оригинальныя книги объемомъ болѣе 10 и переводныя болѣе 20 печатныхъ листовъ и при томъ уже вполнѣ отпечатанныя во всемъ заводѣ, какъ того требуетъ Выс. утвержд. 19 апрѣля 1874 года положеніе Комитета Министровъ). Автору и его издателю остается утѣшаться тѣмъ, что они не отданы подъ судъ, но что́ еслибы они по суду оказались оправданными? Судебная отвѣтственность никакъ не можетъ быть согласована съ отвѣтственностью административною. Для послѣдовательнаго торжества того начала, которое М. А. Корфомъ такъ мѣтко опредѣлено словомъ «язва», надо было освободить администрацію отъ всякой нужды считаться съ судебными учрежденіями въ отношеніяхъ ея къ печати: администрація избѣгла благодаря закону 7 іюня 1872 г. столкновеній съ окружными судами и судебными палатами, а также съ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената; ей надо освободиться еще отъ встрѣчи съ высшимъ административнымъ судебнымъ мѣстомъ, съ Первымъ Департаментомъ

Правительствующаго Сената: по закону 1865 года прекращеніе всякаго повременнаго изданія принадлежало этому Департаменту; законъ 27 августа 1882 года предоставилъ окончательное рѣшеніе о совершенномъ прекращеніи или о безсрочной пріостановкѣ повременныхъ изданій особому совѣщанію изъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Но администрація не предвидѣла такихъ крупныхъ успѣховъ въ борьбѣ противъ начала законности, заложеннаго въ правила 1865 года; она старалась обезпечить свою власть надъ печатью цѣлымъ рядомъ другихъ дѣйствительныхъ средствъ. Для этого она суживаетъ область свободы безцензурной печати, добиваясь изданія законоположеній, воспрещающихъ повременнымъ изданіямъ сообщать то, что можетъ быть неудобно для администраціи: законъ 13-го іюня 1867 года наноситъ тяжелый ударъ не одной печати, но и юнымъ общественнымъ учрежденіямъ, только что начинавшимъ въ то время свою дѣятельность; онъ ставитъ печатаніе постановленій земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраній, произносимыхъ въ этихъ собраніяхъ сужденій и рѣчей и вообще отчетовъ о ихъ засѣданіяхъ въ зависимость отъ разрѣшенія высшей мѣстной администраціи. Законъ 16-го іюня 1873 г. предоставляетъ Главному Управленію по дѣламъ печати право сообщать циркулярно редакціямъ безцензурныхъ изданій чего именно газета или журналъ не должны касаться въ теченіе нѣкотораго времени. Одновременно администрація хлопочетъ объ усиленіи своей власти надъ періодическою печатью: состоявшееся 14 іюня 1868 года положеніе Комитета Министровъ разрѣшаетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ воспрещать розничную продажу газетъ; законъ 17 октября 1866 года воспрещаетъ редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ, вслѣдствіе троекратнаго предостереженія, временной пріостановкѣ, издавать для подписчиковъ тѣхъ повременныхъ изданій, а равно выдавать имъ безплатно, или съ какою либо платою какое либо иное отъ имени тѣхъ же редакцій изданій. Высочайше утвержденное 5-го сентября 1879 года положеніе Комитета Министровъ, изданное въ подтвержденіе Высочайшаго повелѣнія 12 мая 1863 года, предоставляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ право прекращать печатаніе въ повременныхъ (подцензурныхъ и безцензурныхъ) изданіяхъ объявленій на сроки отъ 2 до 8 мѣсяцевъ. Законъ 27 августа 1882 года предоставляетъ самимъ цензорамъ пріостанавливать выходъ въ свѣтъ нумеровъ газетъ, возобновившихся послѣ временной пріостановки, вызванной третьимъ предостереженіемъ. Работа въ этомъ же направленіи, направленіи — все болѣе удаляющемся отъ начала законности продолжается и послѣ 1882 года — года окончательнаго торжества административнаго начала. Высочайше утвержденное 28 марта 1897 года положеніе Комитета Министровъ установляетъ, что передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому должна происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ временныя правила 1865 года оказались дѣйствительно временными: отъ проведенныхъ въ нихъ двухъ началъ — начала свободы и начала законности уже черезъ пятнадцать лѣтъ уже не оставалось ничего.

Первое облегченіе въ положеніи русской печати послѣ правилъ 6 апрѣля 1865 года явилось только въ 1901 году: законъ 4 іюня установилъ срочность силы предостереженій, ограничивъ дѣйствіе перваго предостереженія однимъ годомъ, втораго (полученнаго, слѣдовательно, въ томъ же году, что первое) двумя годами. Но первымъ послѣ 1865 года движеніемъ Законодателя въ сторону законности въ отношеніи къ печати слѣдуетъ

признать Именной Выс. указъ 12 декабря 1904 года, повелѣвшій устранить изъ дѣйствующихъ правилъ о печати излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы. Состоявшееся въ силу этого положеніе Комитета Министровъ, Выс. утвержденное 21 янв. 1905 года, кромѣ законодательныхъ предположеній, внесло уже рядъ фактическихъ облегченій въ положеніе печати, отмѣнивъ законы 12 мая 1863 и 5 сентября 1879 г. (о воспрещеніи печатанія объявленій), 19 апрѣля 1874 (о томъ, чтобы освобожденные отъ предварительной цензуры изданія были вполнѣ отпечатаны до представленія ихъ въ цензурные комитеты), 28 марта 1897 (о переходѣ изданія отъ одного издателя къ другому), смягчивъ кромѣ того законъ 14 іюня 1868 (о розничной продажѣ).

Наша печать нуждается не въ облегченіяхъ: она нуждается въ точномъ опредѣленіи своихъ правъ и своихъ отношеній къ закону. Это можетъ быть достигнуто только кореннымъ пересмотромъ всего Цензурнаго Устава, а прежде всего признаніемъ главнаго, неотъемлемаго права печати—права на свободу. Всякое нарушеніе этого права, всякое стѣсненіе его поведетъ къ созданію новой хитросплетенной системы недоразумѣній и насилій, не отвѣтитъ поэтому требованіямъ жизни, жизненной правды, станетъ новымъ источникомъ злобы и обмана. Нынѣшняя система, если только можно назвать системой сцѣпленіе разновременныхъ законоположеній, проникнутыя одной общей идеей — страхомъ передъ печатнымъ словомъ, — эта система уже осудила себя. Она осудила себя, во-первыхъ, тѣмъ, что исполнена внутреннихъ противорѣчій и условностей. Признавъ извѣстные виды печатнаго слова освобожденными отъ предварительной цензуры, она вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степи подчиняетъ ихъ таковой. Признавъ отвѣтственность печати передъ судомъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ встрѣчи печатнаго слова съ судебнымъ приговоромъ. Сохранивъ предварительную цензуру для большей части повременныхъ изданій, она караетъ эти изданія безсрочными пріостановками, совершеннымъ прекращеніемъ, воспрещеніемъ розничной продажи, т. е. такъ же, какъ изданія безцензурныя: между тѣмъ въ подцензурныхъ изданіяхъ отвѣтственнымъ лицомъ является цензоръ (какъ это ясно изъ другихъ постановленій нашего законодательства) и неотвѣтственными издатели и редакторы, которыхъ несправедливо поэтому подвергать имущественнымъ карамъ. Разсматривая печать какъ зло, заботясь о наименьшемъ распространеніи этого зла, нынѣшняя система впадаетъ въ противорѣчіе, когда допускаетъ безцензурную газету съ широкимъ кругомъ читателей и запрещаетъ изданіе безъ предварительной цензуры книжки, объемомъ меньше десяти листовъ. Система эта создаетъ непонятную привилегію для книгоиздательства Москвы и Петербурга, разрѣшая выпуски только въ этихъ столицахъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій безъ цензуры: конечно, это не сдѣлано для огражденія провинціи отъ «тлетворныхъ» книгъ, издающихся въ нашихъ умственныхъ центрахъ, ибо распространеніе такихъ книгъ по всей Россіи совершается безпрепятственно; это сдѣлано было только для удобства надзора, ибо въ 1865 году цензурные комитеты имѣлись только въ Петербургѣ и Москвѣ; но теперь такіе комитеты существуютъ уже давно и въ Варшавѣ и Тифлисѣ, а между тѣмъ слова «въ обѣихъ столицахъ» въ ст. 6 Ценз. Уст. все еще остаются неизмѣненными. Узаконенная по отношенію къ книгамъ привилегія Москвы и Петербурга фактически распространилась и въ отношеніи къ повременнымъ изданіямъ: періодическія изданія обѣихъ столицъ почти всѣ выходятъ безъ цензуры, между тѣмъ какъ вся остальная Россія не знала и не знаетъ «свободной» печати (кромѣ двухъ газетъ, издающихся въ Харьковѣ и Кіевѣ, а

также разрѣшенной въ 1895 году Бадмаеву газеты на русскомъ и монгольскомъ языкахъ въ Читѣ «Жизни на Восточной Окраинѣ»); не знаетъ ее и Царство Польское, въ которомъ такъ развита ежедневная пресса. Установляя концессіонный порядокъ для открытія повременнаго изданія, нынѣшняя система допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ недавней отмѣны закона 28 марта 1897 года, явочный порядокъ при переходѣ повременнаго изданія отъ одного издателя къ другому. Стремясь къ единству въ области свѣтской цензуры, нашъ Цензурный Уставъ допускаетъ цензуру повѣдомственную и обязываетъ цензоровъ руководствоваться особо изданными, а на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не составленными въ интересахъ подлежащихъ вѣдомствъ наставленіями (ст. 113 Уст. Ценз.).

Но нынѣшняя система осуждена и самой жизнью, она обойдена ею и сведена къ одному крупному недоразумѣнію. Съ одной стороны законоположенія о печати обойдены разными административными распоряженіями. Такъ журналъ Медицинскаго Совѣта 1892 г. за № 287, утвержденный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, ограничилъ п. а) статьи 6-й Уст. Ценз., признавъ, что лѣчебники, поваренныя и т. п. книги, превышающія 10 печатныхъ листовъ, подлежатъ цензурѣ. Такъ Главное Управленіе по дѣламъ печати разъяснило, что книга объемомъ болѣе 10 листовъ, но содержащая сочиненія двухъ или нѣсколькихъ авторовъ, подлежитъ предварительной цензурѣ. То же Управленіе вмѣсто указаннаго въ законѣ признака — 10 или 20 *листовъ* для освобожденія отъ цензуры, установило сначала особые размѣры для опредѣленія объема книги, а потомъ прибѣгло къ установленію опредѣленной нормы при исчисленіи количества буквъ въ листѣ. Съ другой стороны самъ законъ указалъ на рядъ обходныхъ путей, которыми можно миновать предварительную цензуру: къ услугамъ сочинителя толстая книга въ столичной типографіи; къ его услугамъ безцензурныя періодическія изданія (журналы, газеты), изданія правительственныхъ учрежденій, академій, университетовъ, ученыхъ обществъ. И сочинители широко пользуются этими услугами. Это пути легальные. Но есть и нелегальные пути. Равнымъ образомъ не достигаетъ цѣли воспрещеніе тѣхъ или другихъ иностранныхъ книгъ: ст. 1276 Уст. тамож. содержитъ длинный списокъ государственныхъ учрежденій и высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, имѣющихъ право свободно выписывать изъ-за границы книги (между прочимъ, какъ отмѣтилъ въ «Русскомъ Государственномъ Правѣ» проф. Коркуновъ, и Казанская Окружная Лѣчебница во имя Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ); идя этимъ путемъ не трудно достать какую угодно иностранную книгу. Наконецъ, къ услугамъ печати добрая воля цензоровъ; значительная часть цензоровъ, разсматривающихъ книги и газеты,—будь то до напечатанія или послѣ ихъ напечатанія,—понимаютъ, что на нихъ лежитъ отвѣтственность не только передъ начальствомъ, но и передъ отечественнымъ просвѣщеніемъ. И сколько ими, при дѣйствіи все тѣхъ же почти цензурныхъ постановленій 1828 г., которыми руководились цензоры въ царствованіе имп. Николая I, пропущено хорошихъ книгъ и статей, немыслимыхъ въ доброе старое время.

Но мы говоримъ объ обходѣ закона, говоримъ объ услугахъ правительственныхъ учрежденій, говоримъ о снисходительности цензоровъ. Это нисколько не уменьшаетъ недостатковъ нынѣшней системы: все это свидѣтельствуетъ лишь въ пользу немедленнаго уничтоженія внутренней и иностранной цензуры, ибо она безцѣльна и безсильна, ибо свободная мысль и печатное слово, сдѣлавшись потребностью зрѣлаго общества, обойдутъ всякія преграды, отомкнутъ всякія путы и оковы. «Сила зрѣлости — ни-

салъ въ 1870 году одинъ утвержденный защитникъ свободы слова — такъ же неудержима, какъ безпомощенъ произволъ среди засіявшей свободы». И тѣмъ тяжелѣе гнетъ нынѣшняго цензурнаго устава: наша интеллигенція обходитъ его, но за то онъ ее развращаетъ, толкая иной разъ на путь обмана и преступленія, вызывая въ ней справедливое озлобленіе, не давая законнаго выхода ея стремленіямъ служить родинѣ и обществу; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ уставъ, а также рядъ другихъ узаконеній, стѣсняющихъ печатное слово, задерживаютъ отечественное просвѣщеніе и отражаются на самыхъ существенныхъ духовныхъ и умственныхъ интересахъ всей страны.

Мы не хотимъ быть голословными. Попытаемся въ самыхъ общихъ чертахъ показать, въ чемъ именно вредъ цензуры общей и разныхъ еще спеціальныхъ цензуръ для правильнаго развитія просвѣщенія.

Просвѣщеніе распространяется во всякой странѣ различными путями. Школа, церковная каѳедра, университетская аудиторія, театръ, библіотека, книжная лавка, издательская фирма, редакція повременнаго изданія — вотъ разсадники и проводники просвѣщенія. Едва ли требуетъ доказательства, что всѣ эти органы просвѣщенія осуществляютъ свою полезную дѣятельность путемъ распространенія и выпуска въ свѣтъ печатныхъ произведеній. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что дѣятельность ихъ можетъ стать нормальною только при наличности нормальныхъ условій для печатнаго слова. Отсутствіе таковыхъ въ Россіи самымъ печальнымъ образомъ отражается на интересахъ органовъ просвѣщенія и на самомъ просвѣщеніи.

Низшее, такъ называемое народное образованіе, ведется путемъ школы, публичныхъ библіотекъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, безплатныхъ народныхъ читаленъ, публичныхъ народныхъ чтеній. Составъ учительскихъ библіотекъ при народныхъ училищахъ гражданскаго и духовнаго вѣдомства, равно также составъ ученическихъ (школьныхъ) библіотекъ строго опредѣленъ спеціально для того издаваемыми каталогами и списками. Въ каталогъ, изданный въ 1897 году для ученическихъ библіотекъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, внесены изъ сочиненій Тургенева только отрывокъ изъ «Муму» и разсказъ «Перепелка»: Лермонтовъ не внесенъ совсѣмъ, изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого только, «Кавказскій плѣнникъ», «Разсказъ о Севастопольской оборонѣ» и разсказъ «Три смерти»; изъ поэзіи Ап. Майкова, Тютчева не находимъ ничего. Мы рѣшительно не видѣли бы препятствій къ доступу въ ученическія библіотеки полныхъ собраній сочиненій нашихъ лучшихъ писателей и глубоко убѣждены въ томъ, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Гоголь, ни другіе писатели, сочиненія которыхъ свободно обращаются въ Россіи, никому изъ школьниковъ не повредятъ. А между тѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ школьникъ нашелъ бы для себя много занимательнаго; кое-чего онъ бы не понялъ; кое-что унесло бы его далеко за предѣлы сельскаго міра, гдѣ складывается его жизнь; но не соприкасается ли ежедневно этотъ самый сельскій міръ съ вовсе для него не чуждымъ міромъ городскимъ, купеческимъ, помѣщичьимъ, чиновничьимъ? Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для огромнаго числа школьниковъ литературное и научное образованіе кончается съ выходомъ изъ школы: по этому самому держать школьную библіотеку въ искусственно созданныхъ границахъ — это лишить крестьянскихъ подростковъ многихъ цѣнныхъ знаній и впечатлѣній, которыхъ не даетъ имъ впослѣдствіи убогая деревенская обстановка. Отмѣтимъ, что списокъ книгъ и брошюръ, допущенныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для публичныхъ народныхъ чтеній, тожественъ, судя по каталогу

изданному въ 1897 году, со спискомъ книгъ для ученическихъ библіотекъ. Такимъ образомъ наши классики, напр., такія ихъ произведенія какъ «Ревизоръ» или «Женитьба» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Гроза» Островскаго, «Дѣтство и отрочество», «Война и миръ» Толстого, остаются недоступными для устроителей публичныхъ народныхъ чтеній, которыя такъ охотно посѣщаются и взрослымъ населеніемъ деревни. Въ лучшія условія поставлены безплатныя народныя читальни, расчитанныя на всякій возрастъ и даже на различное соціальное положеніе читателей. Но, судя по каталогу, изданному въ 1900 году, и по дополненію къ нему, изданному въ 1903, и здѣсь русскіе классики недоступны въ полномъ объемѣ: правда, разрѣшены первые одиннадцать томовъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, разрѣшенъ весь Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, А. К. Толстой, Островскій, Писемскій, Маркевичъ, но Салтыковъ запрещенъ совсѣмъ, изъ Некрасова дозволены отдѣльныя стихотворенія, изъ Чехова дозволенъ только сборникъ «Въ сумеркахъ» и еще нѣсколько небольшихъ разсказовъ. Златовратскій, Левитовъ отсутствуютъ совсѣмъ, а изъ Г. Успенскаго разрѣшенъ только разсказъ «Нужда пѣсенки поетъ»; изъ нашихъ историковъ недопущены совсѣмъ сочиненія Костомарова; изъ критиковъ—Добролюбовъ; Бѣлинскій предложенъ въ обработкѣ А. Сальникова; изъ сочиненій Пыпина разрѣшена только Исторія славянскихъ литературъ; изъ журналовъ не дозволенъ Вѣстникъ Европы, Русская Мысль, Міръ Божій, Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности, Русскій Филологическій Вѣстникъ (но рядомъ допущены: Археологическій Вѣстникъ, Извѣстія Императорскаго русскаго Географическаго Общества, Извѣстія Общества ревнителей русскаго ист. просв. въ память императора Александра III); изъ газетъ не разрѣшены Русскія Вѣдомости, С.-Петербургскія Вѣдомости, С.-Петербургскій Листокъ, и даже Гражданинъ (но рядомъ допущены: Новое Время, Московскія Вѣдомости, Московскій Листокъ, Свѣтъ). Мы не осудили бы того или другого частнаго устроителя народной библіотеки или читальни за то, что онъ исключилъ изъ нея такія книги и такіе органы печати, которые, по его мнѣнію, вредны или безполезны, но рѣшительно не признаемъ цѣлесообразнымъ брать на себя подобную задачу Ученому Комитету, призванному къ тому же не къ политической, а къ просвѣтительной дѣятельности: исходя изъ начала просвѣщенія народнаго, при выборѣ книгъ и періодическихъ изданій, для народа, можно было бы предпочесть Исторію русской литературы Пыпина историческому очерку той же литературы Бураковскаго, а Русскія Вѣдомости—Московскому Листку. Но ни Ученый Комитетъ, ни другое просвѣтительное учрежденіе не должны, безъ явнаго ущерба порученному имъ дѣлу, ставить запретъ на всѣмъ доступныя, всѣмъ извѣстныя книги. Подобно тому какъ ограниченіе правъ личности предоставлено только суду, права книги и повременныхъ изданій могутъ быть стѣснены только судомъ. Воспрещеніе книги въ безплатной народной читальнѣ или во всякой другой читальнѣ, исходящее не отъ частной иниціативы, а отъ высокаго правительственнаго учрежденія, равносильно ограниченію правъ книги, ограниченію, косвенно задѣвающему имущественные и нравственные интересы автора, его наслѣдниковъ, его издателя и во всякомъ случаѣ нарушающему драгоцѣнное для всего общества право — безпрепятственнаго распространенія печатнаго слова.

Существеннѣйшіе интересы просвѣщенія и духовнаго развитія нашего народа представлены въ той области литературы, которая въ цѣломъ своемъ составѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ подлежитъ вѣдѣнію

цензуры духовной. Бѣглаго взгляда на статьи Цензурнаго устава, относящіяся къ духовной цензурѣ, достаточно для того, чтобы убѣдиться, какъ трудно свѣтскимъ писателямъ касаться церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Мы видѣли, что даже освобожденныя отъ общей предварительной цензуры изданія подвергаются предварительному разсмотрѣнію цензуры духовной. Но еще тяжелѣе положеніе самой духовной цензуры, всецѣло отданной на усмотрѣніе духовныхъ цензоровъ, которые могутъ потребовать отъ сочиненія не только важности и истины мыслей, сообразныхъ съ ученіемъ церкви, но также чистоты слога, ясности и правильности изложенія, а отъ сочиненій, относящихся до церковнаго служенія, чистыхъ и назидательныхъ мыслей, чистыхъ и назидательныхъ чувствованій. Отдѣльное существованіе духовной цензуры,—писалъ въ 1870 году Иванцовъ-Платоновъ,—«можетъ служить одною изъ искусственныхъ мѣръ къ поддержанію того ненормальнаго разобщенія между духовною и свѣтскою литературой, на которое у насъ люди разумные давно уже жалуются и которое становится особенно неблаговременнымъ въ настоящее время, когда вслѣдствіе настоятельныхъ жизненныхъ требованій и въ духовной литературѣ болѣе и болѣе усиливается потребность къ сближенію съ общественною жизнью, и въ свѣтской сказывается потребность серьезнѣе касаться вопросовъ церковно-религіозныхъ». Выходомъ изъ этого почтенный профессоръ считалъ перенесеніе духовной цензуры изъ вѣдомства, имѣющаго предметомъ религіозную жизнь народа, въ то вѣдомство, въ которомъ находится управленіе полицейскими учрежденіями, наблюденіе за общественнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, т. е. въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и состоящей при немъ общей цензуры. Но мы думаемъ, что общая цензура быстро докажетъ свою несостоятельность въ области духовной литературы, такъ же впрочемъ, какъ блестяще доказана эта ея несостоятельность въ другихъ областяхъ. Но если «Св. Синоду, какъ высшему церковному учрежденію, наблюдающему надъ религіозно-нравственною жизнію народа и дѣйствующему къ развитію ея религіозно-нравственными же средствами, всего менѣе соотвѣтственно имѣть подъ своимъ управленіемъ и наблюденіемъ учрежденіе характера полицейскаго, которое ничѣмъ другимъ не можетъ преграждать и пресѣкать въ обществѣ религіозныхъ и нравственныхъ заблужденій и злоупотребленій, какъ внѣшними мѣрами задержанія и кары», если по этому духовной цензурѣ не мѣсто при Св. Синодѣ, ей не мѣсто и при иномъ учрежденіи, ибо самая благонамѣренная свѣтская цензура, еле справляющаяся съ преступленіями политическими, съ сложнымъ понятіемъ о вредномъ направленіи, не справится съ борьбой противъ религіозныхъ и нравственныхъ заблужденій. Поэтому единственно правильнымъ выходомъ должно признать освобожденіе произведеній духовной литературы отъ всякой цензуры, съ предоставленіемъ Св. Синоду и епископамъ наблюденія надъ этой литературой, наблюденія, выражающагося, и при томъ «только въ особенныхъ случаяхъ, заявленіемъ одобренія и неодобренія по отношенію къ произведеніямъ уже явившимся въ свѣтъ»; при чемъ неодобреніе, предостереженіе, осужденіе должны имѣть характеръ пастырски-увѣщательный, а отнюдь не административно-карательный. Такой порядокъ оживитъ нашу духовную литературу; онъ дастъ возможность развиться и окрѣпнуть русской богословской мысли; онъ предоставитъ свободный доступъ западно-европейской религіозной и богословской литературѣ и, обезпечивая пути для дѣйствительнаго религіознаго просвѣщенія народа, найдетъ себѣ въ этой литературѣ цѣнныхъ союзниковъ и единомышленниковъ. При такомъ порядкѣ не повторится трудовъ — изданіе

такихъ какъ богословскія сочиненія Хомякова и предисловіе къ нимъ Ю. Ѳ. Самарина, за границей; только такой порядокъ устранитъ отъ нашего церковнаго управленія обвиненія «въ преступленіи общества къ религіознымъ идеямъ, въ нравственномъ безсиліи духовныхъ пастырей и служителей слова, въ низкомъ уровнѣ духовно-учебныхъ заведеній, и, наконецъ, въ тайной пропагандѣ расколовъ и ученій ложныхъ, которыя могутъ жить и шириться только въ мракѣ духовной безгласности», и только такой порядокъ дастъ прочныя основанія духовной наукѣ въ Россіи, церковно-историческимъ изслѣдованіямъ, теоретико-богословскимъ дисциплинамъ, изученію церковно-каноническихъ вопросовъ, разработкѣ полемическаго богословія. Мы рѣшительно отвергаемъ мысль, чтобы прекращеніе духовной цензуры было связано съ опасностью для православной церкви. «Воображаемыя опасности православной церкви отъ прекращенія духовной цензуры—писалъ одинъ почтенный защитникъ свободы богословской мысли въ 1870 году — пугало, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ, на которое выставляютъ или люди, сознающіе величіе, силу и крѣпость нашей вѣры и церкви, но враждебные ей и не желающіе ей свободной жизни, или люди маловѣрующіе и вовсе не вѣрующіе въ нравственную силу церкви и полагающіе, что она можетъ держаться только принудительною, не церковною силою».

Менѣе всѣхъ, казалось бы, страдаетъ отъ дѣйствующихъ узаконеній о печати свѣтская наука. Дѣйствительно, разработка многихъ научныхъ отраслей идетъ совершенно безпрепятственно: область чистой математики, астрономіи, метеорологіи, ботаники, зоологіи и многихъ другихъ знаній не подвергается ни подозрѣнію, ни преслѣдованію со стороны цензуры. Но уже область геологіи, біологіи, не говоря о соціальныхъ, юридическихъ, историческихъ наукахъ, стѣснена весьма значительно какъ въ возможности появленія изслѣдованій въ этихъ областяхъ, такъ и въ возможности свободнаго пользованія заграничными пособіями. Члены академій, университетовъ, тѣхъ или другихъ ученыхъ обществъ, пожалуй, не испытываютъ на себѣ этихъ стѣсненій или испытываютъ ихъ въ незначительной степени: ихъ труды освобождены отъ предварительной цензуры, а цензура наблюдательная не всегда рѣшится проявить свою власть въ отношеніе къ органу академіи или университета; въ распоряженіи высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ учрежденій библіотеки, не стѣсненныя въ правѣ выписывать иностранныя книги. Но русская наука не сосредоточена въ однихъ университетахъ и академіяхъ; и не въ однѣхъ столицахъ проявляется научная производительность. Положеніе внѣвѣдомственныхъ ученыхъ по истинѣ печально, какъ только они приступятъ къ разработкѣ сколько-нибудь живой темы или широкой задачи. Въ виду—необходимость входить въ соглашеніе съ предварительной цензурой, а въ случаѣ освобожденія отъ таковой, безпокойство за участь издаваемаго сочиненія. Слишкомъ памятны для науки устрашающіе случаи, занесенные въ мартирологъ русской печати. Въ разное время были сожжены книги, изъ которыхъ многія явились бы истиннымъ украшеніемъ нашей науки. Вспомнимъ сочиненія Скалона «Артели на Руси» (М. 1873), Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» (СПб. 1872), Пряшникова «Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное» (СПб. 1872), Скабичевскаго «Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ. 1825 — 1866 гг.» (СПб. 1872), Ярошенка «Рабочій вопросъ на югѣ» (М. 1894), Фейгина «Недостатки врачебной помощи въ нашей дѣйствующей арміи въ кампанію 1877—79 гг.» (СПб. 1895), Трачевскаго «Учебникъ новой

при Ц.К. в.К.П. (б)
450494

исторіи», Борткевича «Продолженіе записки о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наслѣдственныя имущества» (СПб. 1888), С. Венгерова «Исторія новѣйшей русской литературы. Отъ смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней. Часть I. Конечные годы дореформенной эпохи (1848 — 1855)» (СПб. 1885), А Пруговина «Расколъ внизу, расколъ вверху. Очерки современнаго сектантства» (СПб. 1882), «Древняя Русь. Историческій очеркъ древнерусской жизни до Петра Великаго. Изданіе 2-е безъ перемѣнъ» (СПб. 1897. Типографія Пороховщикова), «Сочиненія Г. З Елисѣева. Томъ I». (М. 1894). Назовемъ еще нѣсколько запрещенныхъ переводныхъ книгъ, въ подлинникахъ своихъ разрѣшенныхъ въ Россіи: Шерра «Историческія характеристики и этюды» (СПб. 1870), Его же «Человѣческая трагикомедія» (М. 1877), Родбертуса «Выбранныя мѣста» (М. 1897), Финлея «Исторія византійской и греческой имперіи съ 716 по 1453 г.» (М. 1878), Брандеса «Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія» (М. 1888), Ренана «Философскіе опыты» (СПб. 1888), Рибо «Философія Шопенгауера съ приложеніемъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Шопенгауера» (СПб. 1889), Геккеля «Исторія племеннаго развитія организмовъ» (СПб. 1879). Но что особенно затрудняетъ работу—это невозможность, или въ лучшемъ случаѣ сложная процедура полученія иностранныхъ ученыхъ книгъ, по той или другой причинѣ запрещенныхъ цензурой. А цензура не скупилась, не скупится, вѣроятно, и теперь на запрещенія. Назовемъ наудачу нѣсколько научныхъ книгъ, запрещенныхъ въ 1900 — 1902 гг.: Bulova, «Die Einheitslehre (Monismus) als Religion» (Lpz. 1899), Eberstein, «Ueber die Revolution in Preussen und Deutschland» (Lpz. 1900), Fahrney, «Die Gefahren der Sommer-Krankheiten» (Chicago 1900), Bérard, «La Convention» (P. 1900), Dusolier, «Psychologie des derniers Valois. François II, Charles IX, Henri III» (Lyon-Paris 1895), Al. Jabłonowski, «Akademia Kijowsko-Mohilańska» (Kraków 1899 — 1900), Tatomir, «Apostołowie słowiańscy śś. Cyryl i Metody» (Lwów 1885), Kautsky, «Handelspolitik und Socialdemokratie» (B. 1901), «Oeuvres politiques de Saint-Just. Discours et rapports requeuillis et mis en ordre par H. Buffenoir» (P. 1895), D. Müller, «Leitfaden zur Geschichte des deutschen Volkes» (11 Aufl., B. 1899), H. Zimmern, «Biblische und babylonische Urgeschichte» (Lpz. 1901), S. v. Czobel, «Die Entwickelung der socialen Verhältnisse» (Lpz. 1902), Wedel, «Abriss der Geschichte der Mennoniten» (1901), Hafner, «Gregor VII und Innocenz VIII» (B. 1902), и т. д. Даже изученіе отечественнаго языка (не говоримъ о литературѣ и исторіи) затрудняется иностранною цензурой: все напечатанное по-малорусски въ Галиціи, согласно Высочайшему повелѣнію 1876 года, безусловно воспрещено ко ввозу въ Россію, а между тѣмъ, среди Львовскихъ изданій Записки Товарищества имени Шевченка являются совершенно необходимымъ для русской науки пособіемъ. Недавно все приходящее изъ польской Галиціи подъ бандеролью отсылалось, въ силу невѣдомаго закона, обратно съ границы. Однимъ изъ послѣдствій цензурныхъ стѣсненій нашей научной и философской мысли является обращеніе русскихъ людей къ услугамъ иностранныхъ издателей: II-ой томъ сочиненій Хомякова вышелъ первымъ изданіемъ въ Чешской Прагѣ (1867), Вл. Соловьевъ напечаталъ въ Загребѣ свою «Исторію и будущность теократіи» (1887), Ѳ. Дмитріевъ и Ю. Самаринъ издали въ Берлинѣ книжку «Революціонный консерватизмъ», написанную по поводу книги Р. Ѳадѣева (1875), А. Кошелевъ, патріотизмъ котораго врядъ ли можетъ быть заподозрѣнъ, излагалъ свои мысли о современномъ состояніи Россіи въ брошюрахъ, печатавшихся въ Бер-

лицѣ и Лейпцигѣ. Историку нашей общественности и нашей литературы надо со всѣмъ этимъ считаться: ни Пушкинъ, ни Рылѣевъ, ни Герценъ, ни гр. А. К. Толстой, ни гр. Л. Н. Толстой, ни Чернышевскій, ни даже до послѣдняго времени Карамзинъ, Щербатовъ, Радищевъ не могутъ и не могли быть изучены безъ пособія заграничныхъ изданій, которыхъ трудно достать при отсутствіи особенныхъ связей съ господами библіотекарями различныхъ нашихъ правительственныхъ книгохранилищъ.

Театръ является однимъ изъ видныхъ проводниковъ просвѣщенія. По дѣйствующимъ законоположеніямъ, драматическія сочиненія дозволяются къ представленіямъ на театрахъ состоящими для сего при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати особыми цензорами. Такая цензура касается и тѣхъ драматическихъ сочиненій, которыя дозволены общею цензурой къ напечатанію. Надъ мыслью автора, надъ его талантомъ учреждается такимъ образомъ тягостная опека, тягостная въ особенности потому, что произволъ цензора (какъ это видно изъ текста ст. 87 и 88 Устава Цензуры) не стѣсненъ положительными указаніями закона. Цензоръ можетъ забраковать пьесу не только по политическимъ, но и по эстетическимъ соображеніямъ, при чемъ достоинство этихъ послѣднихъ врядъ ли можетъ быть оцѣнено Совѣтомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, куда сообщаются эти соображенія Драматическую цензуру нельзя не признать весьма серьезной помѣхой въ нормальномъ развитіи русскаго театра. Это живо сознается писателями и директорами — драматургами. Уступки, дѣлаемыя авторами въ угоду цензорскихъ требованій, нерѣдко искажаютъ пьесу: пьеса предназначается авторомъ для представленія на судъ публики, театральной критики, но по пути къ этому суду она встрѣчаетъ цензора, имѣющаго возможность обезличить, обезцвѣтить предложенное его разсмотрѣнію произведеніе. Нравственная личность человѣка задѣвается такими порядками въ самой своей сущности, и какъ часто она выходитъ изъ подобной борьбы, надломленною неспособною на творчество, извѣрившеюся въ самое себя. Драматическія произведенія должны подчиняться общимъ законамъ о печати; ихъ авторы должны отвѣчать за преступленіе противъ частныхъ лицъ, противъ общества, противъ государства, если таковыя кроются въ ихъ произведеніяхъ, но подвергать ихъ предварительному суду, поправкамъ и всегда возможнымъ издѣвательствамъ цензора представляется несправедливымъ и даже несогласнымъ съ другими основными положеніями нашего Цензурнаго Устава, напримѣръ, со ст. 109-ой, которая предписываетъ цензурѣ въ произведеніяхъ изящной словесности отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, или со ст. 106-й, которая запрещаетъ цензурѣ дѣлать привязки къ словамъ и выраженіямъ, или со ст. 111-й, запрещающей входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, а также поправлять слогъ или замѣчать ошибки автора въ литературномъ отношеніи.

Желанное мѣсто для книги — это правительственныя, общественныя, народныя библіотеки, библіотеки для чтенія, гдѣ она всѣмъ доступна, куда стекается болѣе или менѣе обширный кругъ читателей. Распространеніе просвѣщенія стоитъ въ прямой зависимости отъ развитія библіотечнаго дѣла; въ интересахъ его не слѣдуетъ жалѣть средствъ и усилій; оно должно быть поставлено въ особенно благопріятныя для его учредителей и скромныхъ тружениковъ условія. Подобный взглядъ проводится отчасти въ нашемъ законодательствѣ, освобождающемъ содержателей библіотекъ для чтенія отъ платежа пошлинъ (Полож. о пошл., ст. 4, п. 8). Но рядомъ

съ этимъ видимъ въ Уст. Ценз. отраженіе другихъ взглядовъ, исходящихъ, конечно, изъ убѣжденія, что книга, а тѣмъ болѣе книгохранилище въ большинствѣ случаевъ способны принести зло государству. Такъ для открытія городскихъ и общественныхъ публичныхъ библіотекъ, кабинетовъ для чтенія, читаленъ установлено концессіонное начало, что̀ ставитъ ихъ учрежденіе въ прямую зависимость отъ произвола мѣстной администраціи; произволъ этотъ узаконенъ еще правомъ, предоставленнымъ администраціи по отношенію къ лицамъ, уполномоченнымъ на управленіе библіотеками и читальнями, и вообще ко всѣмъ служащимъ при оныхъ; въ случаѣ *возникающаго у администраціи сомнѣнія* въ политической благонадежности этихъ лицъ, она обязана устранять ихъ собственною властью изъ библіотекъ и читаленъ (прим. къ ст. 175 Уст. Ценз.). Надзоръ за безплатными народными читальнями въ каждой мѣстности возлагается на одно или нѣсколько лицъ учебнаго или духовнаго вѣдомства по соглашенію гражданскаго начальства съ попечителемъ учебнаго округа и съ епархіальнымъ архіереемъ (Прав., утв. 15 мая 1890 г.). Кромѣ того установленъ еще особый надзоръ за книгами: не ограничиваясь воспрещеніемъ держать въ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія русскихъ и иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ Россіи (ст. 179 Уст. Ценз.), законъ предоставляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ право указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ дозволенныя въ Россіи произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ библіотекахъ и читальняхъ (ст. 175, прим., п. 3). Правда, на практикѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ рѣдко пользуется этимъ правомъ, но съ 5 января 1884 года надъ библіотеками тяготѣетъ запретъ выдавать читателямъ до 120 книгъ и восемь періодическихъ изданій (между ними «Русская Мысль», съ 1880 по 1884). Запретъ подтвержденъ циркуляромъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 13 сентября 1893 года. Теперь число запретныхъ книгъ возросло до 170, и среди такихъ книгъ находятся напр. сочиненія Джаншіева, (Изъ эпохи великихъ реформъ, М. 1892), Добролюбова, Златовратскаго, Короленко (Очерки и разсказы), Левитова, А. Михайлова, Михайловскаго, Мордовцева, (Политическія движенія русскаго народа, Спб. 1871), Нефедова, Помяловскаго (оба тома), Рѣшетникова, Сѣченова, Л. Толстаго (Сочиненія тт. XII и XIII), Шелгунова, Щепова, Янжула (Книга о книгахъ), а изъ переводныхъ сочиненій Гексли, Лассаля, Маркса, Ляйеля, (Геологическія доказательства древности человѣка), Д. С. Милля, Ольденберга (Будда), А. Сореля (Европа и французская революція), Спенсера, А. Файта (Исторія Европы XIX в.), К. Фогта, и др. Что до безплатныхъ народныхъ читаленъ, то онѣ, какъ мы видѣли, подчинены въ отношеніи состава книгъ особой регламентаціи, за исполненіемъ чего слѣдятъ лица учебнаго или духовнаго вѣдомства, которымъ порученъ надзоръ за ними (ст. § 9 Правилъ 15 мая 1890 г.). Мы видимъ во всѣхъ этихъ законоположеніяхъ и правилахъ рѣшительный тормазъ къ правильному развитію библіотечнаго дѣла въ Россіи и выражаемъ желаніе, чтобы ни прикосновенность лица къ библіотекѣ, ни нахожденіе въ библіотекѣ книги не вызывали бы особаго за ними надзора, ведущаго къ изгнанію и къ ограниченію правъ.

Книжная торговля и книгоиздательство испытываютъ на себѣ всѣ выше перечисленные виды стѣсненій печатнаго слова: одни изъ нихъ изъемлютъ книгу изъ рынка; другіе ложатся тяжелымъ бременемъ на издательство, рискнувшее предпринять печатаніе книги, освобожденной отъ предварительной цензуры и послѣ напечатанія уничтоженной; третьи огра-

ничивают предписаніями разныхъ начальственныхъ учрежденій распространеніе книги, возбраняютъ ей доступъ въ школу, библіотеку, читальню; торговля иностранными книгами, выписка книги для заказчика стѣснена неопредѣленностью тѣхъ требованій, которыя можетъ предъявить книгѣ иностранная цензура. Запрещенію подвергаются не однѣ серьезныя книги, вышедшія заграницей; скабрёзный романъ, порнографическій этюдъ можетъ подвергнуться той же участи, но сколько такія запрещенныя къ обращенію въ Россіи книги имѣютъ счастливыхъ соперниковъ, благополучно миновавшихъ всякія цензуры и обогатившихъ посредниковъ-книгопродавцевъ. Неожиданно для книгопродавца воспрещается, очевидно, медицинской цензурой (ст. 40 Уст. Ценз.) цѣлый рядъ невиннѣйшихъ, казалось бы, съ точки зрѣнія государственной книгъ по медицинѣ, вродѣ «Klinische Berichte zur Therapie der harnsauren Diathese», «Zuckerkrankheit (Diabetes mellitus) endlich heilbar durch Djoeat», Philanthropos, «Werde gesund!», Th. Krauss, «Die Heilung der Nierenkrankheiten», A. Hewser, «Lehrbuch der Electro-Homöopathie», Anna Fischer-Dückelmann, «Die heutigen Behandlungsmethoden der Frauenkrankheiten», Dr. Vogel's «Homöopatischer Hausarzt» и т. д. Подобныя запрещенія, дѣлаемыя подъ давленіемъ разныхъ цензуръ, несомнѣнно разстроиваютъ правильное теченіе всякой иностранной книжной торговли. Неопредѣленность требованій внутренней цензуры стѣсняетъ ту полезную дѣятельность, на которую такъ охотно обращаются многія книгоиздательства, а именно изданіе популярно-научныхъ брошюръ. Этотъ видъ литературы имѣетъ громадное значеніе, благодаря легкому распространенію, доступности его для бѣдныхъ классовъ населенія. Онъ достоинъ всякаго поощренія, въ особенности въ виду той сильной конкурренціи, которую создаютъ ему дешевыя изданія разныхъ «лубочниковъ», выпускающихъ въ огромномъ количествѣ безполезныя, а отчасти и вредныя для народа книги. Но прежде всего брошюра должна быть освобождена отъ предварительной цензуры, задерживающей ея выходъ, стѣсняющей автора, ибо врядъ ли цензура охотно принимаетъ на себя отвѣтственность за все то, что путемъ дешеваго изданія въ нѣсколько страницъ проникнетъ въ народъ. «Цензура — говоритъ наблюдатель — относится крайне строго именно къ народнымъ изданіямъ, не позволяя выпускать произведенія, вполнѣ допускаемыя къ обращенію, разъ они издаются по недоступной для народа цѣнѣ» (Всеобщее образованіе въ Россіи, М. 1902, стр. 127). Но цензурѣ не остановить брошюры, этого лучшаго популяризатора знаній. Оградить возможность вреднаго вліянія брошюры можетъ только отвѣтственность автора передъ собственной совѣстью и органомъ совѣсти общественной — судомъ. Устройство книжнаго магазина, книжной лавки стѣснено, какъ мы видѣли, концессіоннымъ началомъ: стѣсненіе это совершенно непонятно, въ виду существующаго въ законѣ прямого запрещенія торговать недозволенными къ обращенію въ Россіи книгами и держать ихъ въ магазинѣ, лавкѣ. Но еще непонятнѣе произволъ администраціи, стѣсняющей нѣкоторые губернскіе книжные склады требованіемъ, чтобы они продавали исключительно книги, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ. Мы желали бы, чтобы торговля книгами, какъ наиболѣе полезнымъ для страны товаромъ, была обставлена всевозможными льготами и удобствами и тѣмъ болѣе не стѣснялась ничьимъ произволомъ.

Газеты и журналы, по значенію своему для просвѣщенія, занимаютъ особенно важное мѣсто. Съ распространеніемъ просвѣщенія увеличивается кругъ читателей, но книга остается удѣломъ всетаки немногихъ досужихъ

людей или людей спеціальныхъ профессій. Громадное большинство грамотнаго люда, въ силу главнымъ образомъ недосуга, ограничивается чтеніемъ газеты, заглядываніемъ въ журналы. Читатель ищетъ и находитъ въ повременныхъ изданіяхъ отвѣты на самые разнообразные запросы, предъявляемые жизнью: газеты и журналы вводятъ его въ область внутренней и внѣшней политики, общественныхъ отношеній, просвѣтительныхъ движеній страны, экономическихъ вопросовъ, беллетристики, литературной и художественной критики, даже духовно-нравственныхъ интересовъ. Значительное число грамотныхъ людей вырабатываетъ себѣ образъ мыслей, взглядъ на жизнь, политическія убѣжденія подъ вліяніемъ газетъ и журналовъ; посредствомъ ихъ читатель пріобщается къ кругу образованныхъ людей и къ великой семьѣ всего культурнаго человѣчества. Достиженіе нормальныхъ для повременной печати условій должно быть предметомъ особенныхъ заботъ всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы просвѣщенія. Нормальны ли эти условія у насъ? Органы повременной печати распадаются на двѣ группы, различающіяся въ отношеніяхъ ихъ къ цензурѣ: одни (почти исключительно провинціальные, включая, впрочемъ, сюда и варшавскія польскія изданія) подлежатъ просмотру предварительной цензуры, другіе освобождены отъ нея, но состоятъ подъ наблюденіемъ цензуры какъ до выпуска въ свѣтъ, такъ и послѣ этого. Для первыхъ органовъ законность, законная отвѣтственность сосредоточивается въ лицѣ цензора (что еще недавно разъяснено въ Журн. Комит. Мин. отъ 28 и 31 дек. 1904 г.): редактору не зачѣмъ справляться съ Уставомъ о цензурѣ или съ какими нибудь разъяснительными циркулярами; все это обязанъ вѣдать цензоръ, полный хозяинъ надъ ожидающимъ печатанія наборомъ. Можетъ ли такой порядокъ создать вокругъ органа подцензурной печати столь необходимую для всякаго просвѣтительнаго дѣла атмосферу законности, атмосферу, въ которой зрѣетъ сознаніе отвѣтственности передъ читателемъ за всякое произнесенное слово, за всякую высказанную мысль? Конечно, уважающій себя редакторъ не станетъ писать завѣдомой лжи, не станетъ говорить противъ своихъ убѣжденій, но имѣетъ ли онъ возможность отмежевать для себя тотъ широкій кругозоръ, гдѣ единственнымъ судьей его дѣятельности должна быть его совѣсть, когда совѣсть эта каждый день, на каждомъ газетномъ столбцѣ сталкивается со служебною совѣстью цензора, вдохновленнаго видами высшей политики? А эта высшая политика никакъ не можетъ быть отожествлена съ высшей политикой самого редактора, ибо послѣдній отожествляетъ съ высшей политикой дѣйствительныя нужды и интересы родины, а не преходящіе вкусы и капризы начальственныхъ лицъ. И вотъ, редакторъ подцензурнаго изданія и его сотрудники, вмѣсто выработки цѣльнаго міросозерцанія, вмѣсто неуклоннаго проведенія своихъ убѣжденій въ среду читателей, тратятъ свои силы на борьбу съ цензорскимъ усмотрѣніемъ, исчертившимъ красными чернилами всѣ живыя мѣста готовой къ выходу газеты. Какъ поручиться за то, что подобная борьба, какъ всякая скрытая, ведущаяся на почвѣ безправія борьба, не деморализуетъ самого редактора, не позволитъ ему или его сотрудникамъ зарваться другой разъ тамъ, гдѣ, при другихъ условіяхъ, ихъ остановило бы собственное благоразуміе, не вынудитъ ихъ къ языку лукаваго раба, гдѣ, при другихъ условіяхъ, послышался бы голосъ честнаго гражданина. Вокругъ всякой подцензурной газеты создается силой вещей душная атмосфера безправія, и цѣнныя услуги повременной печати обществу въ значительной степени ослабляются тѣми невыгодными условіями, при которыхъ ей приходится работать. Правда, среди цензоровъ и вице-губернаторовъ встрѣчаются весьма благожелательные

люди, но расчитывать на личныя достоинства исполнителей не приходится тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обезпеченіи тѣхъ или другихъ условій вообще, а въ данномъ случаѣ объ обезпеченіи законнаго существованія провинціальной и вообще подцензурной періодической печати. Положеніе столичной печати, освобожденной отъ предварительной цензуры, мало походитъ на то безправное положеніе, въ какомъ находится пресса всей остальной Россіи (за исключеніемъ двухъ газетъ: Кіевлянина и Южнаго Края): отвѣтственнымъ за содержаніе нумера повременнаго изданія является здѣсь не цензоръ, а редакторъ, но отвѣтственность эта совершенно особаго рода. Она не опредѣляется положительными указаніями закона, такъ какъ, конечно, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ можетъ зайти рѣчь о нарушеніи той или другой статьи Уложенія о показаніяхъ или цензурнаго устава; она основывается, главнымъ образомъ, на обнаруженномъ наблюдательною цензурою вредномъ направленіи или на нарушеніи требованій, предъявляемыхъ, въ силу 140 ст. Уст. Ценз., и предписывающихъ не касаться того или другого вопроса. Но обнаруженіе вреднаго направленія, какъ указано, принадлежитъ цензурѣ, Совѣту Главнаго Управленія, Министру Внутреннихъ Дѣлъ: обнаружить его въ собственномъ органѣ, собственной дѣятельности редакторъ, разумѣется, не можетъ, если онъ не дѣйствуетъ вопреки своимъ убѣжденіямъ и не руководится какими-либо преступными намѣреніями; слѣдовательно, объ отвѣтственности за вредное направленіе собственно не можетъ быть и рѣчи, и не напрасно практика освободила редакторовъ и издателей повременныхъ изданій отъ судебной отвѣтственности; впрочемъ, она не установила и отвѣтственности административной; такъ называемыя административныя кары (пріостановка, запрещеніе розничной продажи, прекращеніе) имѣютъ собственно цѣлью оградить общество отъ вліянія органа съ вреднымъ направленіемъ, а что косвенно всѣ эти мѣры оказываются имущественными карами — это игнорируется и закономъ и практикой, ибо иначе онѣ бы не примѣнялись: даже акцизные уставы не знали и не знаютъ тѣхъ огромныхъ штрафовъ, какіе могутъ упасть на провинившееся изданіе, имѣющее много подписчиковъ, печатающееся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Другая причина столкновенія редактора съ администраціей можетъ быть вызвана нарушеніемъ съ его стороны ст. 140 Уст. Ценз., но и здѣсь о настоящей отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи. Неоднократныя разъясненія Правительствующаго Сената, относящіяся на 29 ст. Устава о наказаніяхъ, устанавливаютъ юридическую отвѣтственность за неисполненіе только законныхъ требованій властей, а между тѣмъ требованія Главнаго Управленія не упоминать о такомъ-то слухѣ, не разсуждать о такомъ-то предметѣ въ большинствѣ случаевъ противорѣчатъ точному смыслу 140-й статьи и основываются на произволѣ: редактору, хранящему у себя копіи съ предъявленныхъ ему предписаній Главнаго Управленія или запоминающему его словесныя распоряженія, это нарушеніе закона со стороны Главнаго Управленія совершенно очевидно, а по сему къ исполненію такихъ распоряженій его можетъ принудить только добрая воля или страхъ, страхъ передъ разореніемъ, страхъ передъ лишеніемъ куска хлѣба, передъ отнятіемъ возможности служить печатнымъ словомъ родинѣ. Добрая воля! Но не ляжетъ ли на совѣсти редактора исполненіе незаконнаго предписанія; не насилуется ли профессіональная совѣсть журналиста, если ему запрещаютъ писать о холерѣ тогда, когда она свирѣпствуетъ въ Россіи, запрещаютъ спокойное обсужденіе несовершенства существующихъ у насъ постановленій, тогда какъ это разрѣшается положительнымъ указа-

ніемъ закона (прим. къ 1035 ст. Улож. о нак., 97 ст. Уст. Ценз.); не насилуется ли профессіональная совѣсть редактора, когда ему предписываютъ, напримѣръ, не печатать статей такого-то не опороченнаго судомъ, не лишеннаго гражданской правоспособности лица, не перепечатывать той или другой статьи «Московскихъ Вѣдомостей», не сообщать о растратѣ земскихъ суммъ въ той или иной губерніи? Насиліе надъ доброй волей возмущаетъ всякую совѣсть и уже не онѣ, не совѣсть и не добрая воля, будутъ руководить редакторомъ въ его святомъ и отвѣтственномъ служеніи родинѣ, а только страхъ. Работать въ этой атмосферѣ страха нельзя съ спокойною совѣстью: для продолженія работы должны быть особые стимулы; однимъ стимуломъ можетъ быть нажива, другимъ увѣренность въ силѣ печати, убѣжденіе въ лежащей на ней миссіи *борьбы* съ существующими порядками. Только низменные инстинкты, или высокая идея, не останавливающаяся передъ самопожертвованіемъ, могутъ заставить работать при тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены наши безцензурные органы печати. Мы не отрицаемъ полезной дѣятельности этихъ органовъ, мы убѣждены въ огромномъ значеніи ихъ для нашей родины, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣрены, что просвѣщеніе общества, воспитаніе его въ положительныхъ идеалахъ нуждается въ иныхъ условіяхъ журнальной и газетной дѣятельности, въ такихъ именно условіяхъ, при которыхъ слышался бы голосъ спокойнаго за завтрашній день честнаго гражданина, огражденнаго закономъ отъ всякаго насилія и произвола.

Предыдущія указанія убѣждаютъ насъ въ томъ, что дѣятельность просвѣтительныхъ органовъ страны, т. е. тѣхъ органовъ, которые такъ или иначе соприкасаются съ книгой и печатнымъ словомъ, стѣснена законоположеніями и административными распоряженіями, основывающимися отчасти на цензурномъ уставѣ, отчасти на общемъ стремленіи администраціи къ цензурѣ и опекѣ надъ всякимъ проявленіемъ человѣческой мысли. Академія Наукъ не можетъ не обратить вниманія на печальныя послѣдствія для отечественнаго просвѣщенія отъ всѣхъ этихъ ограниченій слова и мысли. Ее обязываетъ къ этому выраженное Государемъ Императоромъ желаніе поставить печать въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, ее побуждаетъ къ дѣлу призывъ, обращенный къ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовать улучшенію нашего государственнаго строя. Въ полной увѣренности, что Совѣщаніе, работающее подъ предсѣдательствомъ нашего члена корреспондента Д. Ѳ. Кобеко и заключающее въ себѣ нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ и нѣсколько почетныхъ академиковъ, отнесется со вниманіемъ къ нуждамъ русскаго просвѣщенія, мы считаемъ нужнымъ сообщить ему нашъ докладъ и слѣдующія вытекающія изъ него заключенія.

Печать должна быть поставлена въ точно опредѣленные закономъ предѣлы. Таковая воля законодателя отвѣчаетъ вполнѣ потребностямъ просвѣщенія и печати, какъ главнаго его органа. Отсюда слѣдуетъ, что произволъ въ отношеніи къ печати осужденъ законодателемъ; въ какой бы формѣ онъ ни выражался, его должно устранить изъ законоположеній о печати. Печать всѣхъ народовъ, обитающихъ Россію, должна быть освобождена отъ произвола. Но на произволѣ основывается вся система предварительной цензуры. Это ясно само собой; это явствуетъ также изъ противоположныхъ отзывовъ о дѣйствіяхъ современной намъ предварительной цензуры. Цензура—говорятъ одни—стѣсняетъ всякую свободную мысль, стѣсняетъ всякое сужденіе, не позволяетъ говорить о предметахъ общеизвѣстныхъ, свободно обсуждаемыхъ въ печати безцензурной; цензура не раз-

рѣшаетъ даже перепечатку рѣчей Министра Внутреннихъ Дѣлъ и т. д., и т. д. Цензура — слышатся другіе голоса — распустила провинціальную печать; благодаря неспособности чиновниковъ, цензурующихъ провинціальные газеты, въ нихъ работаютъ лица, стоящія подъ надзоромъ полиціи, кое-какъ набившія руку въ борзописаніи, повторяющія съ увлеченіемъ зады, затверженные ими въ писаніяхъ столичныхъ корифеевъ нигилистической литературы, и т. д., и т. д. Мы думаемъ, что современные цензоры подтвердятъ слѣдующія слова, сказанныя въ 1862 году цензоромъ Волковымъ: и предупредительная цензура, неопредѣленная уже сама по себѣ, впослѣдствіи времени, отъ безчисленнаго множества разныхъ распоряженій, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ и времени, приняла характеръ рѣшительной неопредѣленности, такъ что одну и ту же статью одинъ цензоръ можетъ запретить, другой дозволить» (Лемке, эпоха ценз. реформъ, с. 110—111). Но и самъ цензурный уставъ относится къ цензорамъ безъ достаточнаго довѣрія: онъ предусматриваетъ случаи перепечатки листовъ, одобренныхъ цензоромъ, допускаетъ возможность запрещенія книги, дозволенной цензоромъ къ печатанію, и даже предвидитъ случаи запрещенія подцензурныхъ повременныхъ изданій за проявленное ими, очевидно съ вѣдома цензора, вредное направленіе. Система, расчитывающая на строгость или напротивъ на снисходительность отдѣльной личности, открываетъ широкій просторъ произволу. Обезпечить печать отъ всякихъ случайностей временнаго настроенія и личнаго произвола — вотъ къ чему призванъ положительный законъ, который поэтому не можетъ быть согласованъ ни съ однимъ изъ законоположеній, относящихся къ предварительной цензурѣ. Отъ духовнаго цензора законъ требуетъ научнаго образованія, не только духовнаго, но и свѣтскаго; онъ требуетъ отъ него философскаго развитія и сильнаго логическаго ума; онъ предполагаетъ у него эстетическій вкусъ и вѣрный педагогическій взглядъ. «Соединеніе всѣхъ этихъ качествъ—замѣчаетъ авторъ статей 1870 года о духовной цензурѣ въ Россіи—качествъ, частью взаимно несогласимыхъ въ одномъ человѣкѣ, невозможно слѣдовательно, и цензурная цѣль, достиженіе которой безъ этихъ качествъ немыслимо, останется только простымъ желаніемъ и только послужитъ предлогомъ для произвольныхъ стѣсненій мысли и слова». Произвольны также дѣйствія иностранной цензуры и почтовыхъ чиновниковъ, приставленныхъ къ цензурѣ. «Въ моихъ сношеніяхъ съ Россіей—заявлялъ одинъ заграничный книгопродавецъ—я обратилъ вниманіе, что многія изъ числа толстыхъ книгъ, если онѣ отправляются заказчикамъ какой-нибудь мѣсяцъ, другой послѣ ихъ выхода въ свѣтъ въ большинствѣ случаевъ возвращаются обратно неразрѣзанными. Если же высылаются книги не новыя, то, какъ показываетъ опытъ, случаевъ обратной ихъ отсылки почти не бываетъ» (Недѣля, 1895 г. № 47). Къ иностранной книгѣ должны быть примѣнены тѣ же требованія, что къ русской, и только судебному мѣсту можетъ принадлежать разрѣшеніе вопроса, не грозитъ ли распространеніе такой книги опасностью для государства и общества. Цензура должна быть отмѣнена совсѣмъ. Пусть ее замѣнятъ органы, полицейскаго надзора за произведеніями печати.

На произволѣ основана и вся система административныхъ каръ: предостереженіе, воспрещеніе розничной продажи, пріостановка, прекращеніе, задержаніе нумеровъ подцензурныхъ повременныхъ изданій, уничтоженіе оригинальныхъ сочиненій и переводовъ — всѣ эти дѣйствія основываются на усмотрѣніяхъ Министра Вн. Дѣлъ, совѣщанія нѣсколькихъ министровъ, Комитета министровъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ одного цензора

(ст. 148 прим.); они никакъ не могутъ быть опредѣлены положительнымъ закономъ. Основаніемъ для принятія всѣхъ этихъ мѣръ служили, служатъ и теперь или вредное направленіе или нарушеніе 140 ст. Уст. Ценз. Преступленія, совершенныя путемъ печати, не могутъ имѣть слѣдствіемъ административныя кары, ибо за такія преступленія виновный (авторъ, редакторъ, издатель, типографщикъ) подлежитъ, за силой закона 6 апрѣля 1865, подтвержденнаго закономъ 7 іюня 1872 года, суду. Но наша печать, на которую сыплется такъ много обвиненій, оказывается, въ теченіе вотъ уже 35 лѣтъ, совершенно неповинной въ какихъ либо преступленіяхъ, подлежащихъ преслѣдованію обвинительной власти, ибо съ конца 60-хъ годовъ не было ни одного процесса противъ печати. Вѣроятно ли это? Мы цѣнимъ высоко заслуги отечественной печати, мы удивляемся ея гражданскому мужеству, мы гордимся стойкостью убѣжденій тѣхъ или другихъ ея представителей. Но неужели среди дѣятелей печати въ теченіе тридцатипяти лѣтъ были одни ангелы, не совершавшіе проступковъ, неповинные въ преступленіяхъ? Это невѣроятно. Проступки и преступленія были, но ихъ не преслѣдовали — и въ этомъ сказался весь произволъ администраціи. Она не различала преступленій, она не видѣла проступковъ для того, чтобы не становиться лицомъ къ лицу съ судомъ, основывающимъ свои рѣшенія на положительномъ законѣ; она прибѣгала къ обвиненію печати сама передъ собой во вредномъ направленіи, дѣлая это для того, чтобы дать ходъ административнымъ карамъ и прочимъ воздѣйствіямъ. И обвиняя печать во вредномъ направленіи, администрація всякій разъ совершала опять акты произвола, ибо какъ можно взять на себя безапеляціонное рѣшеніе вопроса, вредно или нѣтъ для Россіи или для верховной власти то или иное направленіе политической мысли? Карая журналъ или газету за нарушеніе 140 ст., администрація совершала большею частью двойной актъ произвола: произволомъ было предъявленіе повременному органу незаконнаго требованія (нарушавшаго точный смыслъ 140 ст.) и также произволомъ была кара за неисполненіе такого незаконнаго требованія. Мы находимъ, что всякія административныя кары должны быть отмѣнены безусловно.

На произволѣ построена и всякая концессіонная система, а слѣдовательно на произволѣ зиждется тотъ порядокъ, которымъ основываются повременное изданіе, книжная лавка, библіотека, типографія. Въ положительномъ законѣ должно быть указано, кто именно изъ русскихъ гражданъ имѣетъ право основать газету или журналъ, открыть книжную торговлю или библіотеку, устроить типографію или литографію.

На произволѣ выросла и та система, которая предоставляетъ право съ одной стороны учрежденіямъ, хотя бы и весьма ученымъ и весьма почтеннымъ, а съ другой единоличной власти Министра Внутреннихъ Дѣлъ изгонять книги изъ публичныхъ библіотекъ, хотя бы безплатныхъ, хотя бы народныхъ. Ограниченіе права книги надо разсматривать какъ одинъ изъ видовъ нравственнаго и имущественнаго ограниченія права личности и посему инициативу такого ограниченія нельзя предоставить ни одному правительственному мѣсту.

Но п. 8-мъ Именного Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года повелѣно кромѣ того *освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій*. Къ числу такихъ стѣсненій принадлежитъ установленный для открытія повременнаго изданія денежный залогъ. Пользы онъ рѣшительно никакой принести не можетъ, ибо, если онъ существуетъ для того, чтобы изъ него уплачивать налагаемыя судебными мѣстами денежныя взысканія, то это,

въ виду ясныхъ указаній закона на способы замѣны штрафа другими видами наказаній, представляется совершенно излишнимъ.

Если освободить печать, въ силу выраженной Законодателемъ воли отъ произвола и излишнихъ стѣсненій, то она останется ограниченною законами, начертанными въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ о цензурѣ, въ Уложеніи о наказаніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ уставахъ. Одни изъ этихъ законовъ ставятъ предѣлы печатному слову въ огражденіе интересовъ государственныхъ и общественныхъ, другіе въ огражденіе интересовъ частныхъ лицъ. Рядъ положительныхъ законовъ ограждаютъ литературную собственность и объявляютъ право изданія нѣкоторыхъ произведеній монополіей отдѣльныхъ учрежденій. Мы думаемъ, что всѣ эти законы нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ и въ согласованіи ихъ съ новыми потребностями жизни. И прежде всего они должны быть согласованы съ началомъ свободы, а также съ вытекающими изъ него послѣдствіями, указанными въ вступительной части настоящаго доклада. Къ выработкѣ такихъ именно законовъ, а также къ разсмотрѣнію того порядка, которымъ должна осуществляться судебная отвѣтственность печати, призвано Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Но предварительно, въ силу Указа 12 декабря 1904 года, оно должно освободить печать, печать всѣхъ обитающихъ Россіи народовъ отъ произвола, уже осужденнаго въ самомъ принципѣ Законодателемъ, и отъ излишнихъ стѣсненій. Такое освобожденіе возможно и теперь до выработки новаго Цензурнаго Устава, ибо оно будетъ имѣть слѣдствіемъ, во-первыхъ, вступленіе въ законную силу тѣхъ статей Временныхъ Правилъ 1865 года, которыя произвольно не приводились въ исполненіе администраціей, а во-вторыхъ, естественное распространеніе этихъ статей на всѣ виды освобожденной отъ предварительной цензуры печати. Согласно закону 12-го декабря 1866 года, бо́льшая часть дѣлъ о проступкахъ печати передана въ вѣдѣніе судебной палаты. Временно, до выработки новаго устава о печати, такой порядокъ могъ бы быть сохраненъ, и онъ не встрѣтилъ бы серьезныхъ возраженій при условіи увеличенія состава нашихъ судебныхъ палатъ, легко осуществимаго насчетъ суммъ, предвидящихся отъ уничтоженія органовъ цензуры.

Скажемъ больше: немедленное освобожденіе печати отъ системы произвола и излишнихъ стѣсненій теперь же, до выработки новаго цензурнаго устава не только возможно, но и необходимо. Настоящее тревожное время съ особенною силой выдвигаетъ вопросъ о печати. Врагами и доброжелателями одинаково признается великое ея значеніе, и особенно велико оно въ періоды смуты, ожиданій, общаго волненія. Гдѣ какъ не въ печатномъ словѣ отразится охватившее общество броженіе? На что, какъ не на печатныя изданія возлагаетъ надежду агитація всякихъ партій, всякихъ направленій? Но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ найти успокоеніе расходившимся страстямъ и разрушительнымъ инстинктамъ реакціи и революціи, какъ не въ той же печати? Со словами умиротворенія, съ трезвой, печатной проповѣдью должна выступить благоразумная часть общества. Иначе мы не увидимъ благополучнаго конца жестокаго кризиса, иначе рушатся всякія мечтанія о мирномъ разрѣшеніи конфликта. Но благоразумные, умѣренные элементы общества могутъ сказать свое слово только при нормальныхъ условіяхъ печати. Только свободная печать можетъ привлечь къ себѣ эти столь нужныя теперь общественныя силы, ибо бороться съ цензурнымъ произволомъ, съ административными карами, ибо попасть въ безправное положеніе, въ какомъ находятся теперь столичные и провинціальные редакторы и журна-

листы, рѣшительно не подъ силу такимъ элементамъ общества. И если все-таки они попробуютъ выступить на работу въ повременномъ органѣ, то, благодаря атмосферѣ безправія, сложившейся вокругъ печати, ихъ неминуемо ожидаетъ переходъ въ оппозицію существующимъ порядкамъ, имъ неминуемо придется слиться съ крайними элементами. Всякій произволъ власти питаетъ недовольство, усиливаетъ значеніе крайнихъ партій, готовитъ имъ торжество; но произволъ надъ человѣческою мыслью, насиліе надъ внутреннимъ человѣкомъ дѣйствуетъ еще сильнѣе и дѣйствительнѣе. Остаться умѣреннымъ, сохранить благоразуміе при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ работаетъ теперь печать, это выше силъ человѣческихъ. И какъ много опасности для государства именно въ томъ, что оно ставитъ въ такія условія печать, которая могла бы служить государству надежнымъ оплотомъ противъ революціонныхъ стремленій, анархическихъ вожделѣній и реакціонныхъ поползновеній. Печать сама по себѣ не можетъ быть предметомъ ни страха, ни надежды. Все зависитъ отъ того, въ чьихъ она рукахъ. При ненормальныхъ условіяхъ въ печать особенно быстро проникаютъ голоса крайнихъ партій. Но ошибочно бояться ихъ, какъ проявленія революціонныхъ или реакціонныхъ движеній. Страшны не голоса, а самыя движенія. И настоящее орудіе революціонера не гласное слово, не легальная пресса. Его средство—это скрытая пропаганда, соблазненіе рабочихъ или крестьянскихъ массъ несбыточными обѣщаніями, тайная агитація на фабрикахъ и въ домахъ. И не въ печатномъ словѣ сила реакціонера: его нашептыванія и застращиванія ищутъ скрытыхъ путей, тайныхъ ходовъ. Главное орудіе борьбы съ революціонеромъ и реакціонеромъ — это гласность. Пусть даже агитація ихъ станетъ явной и гласной, пусть изъ подпольныхъ листковъ и секретныхъ записокъ она перейдетъ на страницы газеты. Агитація оскорбитъ деликатный слухъ, поразитъ непривычный глазъ. Но за то она сразу потеряетъ всю свою силу и значеніе. Потеряетъ потому, что гласно высказанная нелѣпость не принимается на вѣру такъ, какъ принимается нелѣпость, высказанная тайно отъ имени анонимныхъ комитетовъ, безыменныхъ дѣятелей, таинственныхъ группъ. Потеряетъ потому, что гласно высказанное мнѣніе можетъ быть гласно и опровергнуто, что потому самому отъ него потребуется не однихъ восклицаній и намековъ, но также явныхъ доказательствъ, скрѣпленныхъ открытыми подписями, раскрытыми псевдонимами. Пренебрегая гласностью, государство отвергаетъ лучшее орудіе противъ всякихъ разрушительныхъ движеній и стремленій и усиливаетъ ихъ, ибо покровъ ночи, густыя сумерки — вотъ та обстановка, при которыхъ совершаются и создаются преступленія, вотъ условія, гдѣ вырабатываются мѣры, пагубныя для блага страны. Пренебрегая гласностью, государство лишается лучшаго проводника законности: а между тѣмъ провести законность въ управленіе, воспитать на началахъ законности само общество — это одна изъ неотложныхъ задачъ нашихъ, какъ это провозглашено Указомъ 12 декабря 1904 года

Общество, признающее печать всегда и вездѣ выразительницей своего мнѣнія, требуетъ отъ государства одного, — и это даже въ сложномъ дѣлѣ борьбы съ соціальными недугами, которыми болѣетъ всякая страна, — оно требуетъ свободы для своего мнѣнія, для своего слова. Вооруженная свободой печать сама выступитъ въ защиту неприкосновенности собственности и другихъ общественныхъ институтовъ, сама оградитъ отъ нападокъ государственные устои и проложитъ путь полезнымъ начинаніямъ общества и правительства: сила встрѣтится съ силой, и верхъ будетъ принадлежать, конечно той силѣ, которая явится дѣйствительнымъ отраженіемъ общественныхъ

стремленій, т. е. силѣ, при нормальныхъ условіяхъ, всегда благоразумнаго большинства. Судьба нашей печати и вмѣстѣ съ тѣмъ судьба общества находится во власти государства: неужто оно пренебрежетъ печатью именно теперь, когда для него такъ важно оградить общество отъ разложенія, потушить анархію, осуществить великія реформы? Неужели оно не вооружитъ печатью само общество, которое путемъ гласнаго обсужденія своихъ нуждъ и нуждъ государственныхъ сдѣлаетъ излишнимъ всякій мятежъ, парализуетъ пропаганду, остановитъ политическія преступленія? Не вооружить общество теперь же свободною печатью — это предоставить его вліянію крайнихъ идей, крайнихъ партій, это потерять надежду увидѣть то благоразумное большинство, которому было бы желательно предоставить рѣшающее значеніе: ибо всякая умѣренная партія нуждается и въ умѣренныхъ органахъ печати, а ихъ не могутъ создать наши теперешніе цензурные порядки; даже сама «сознательная *консервативная* печать всюду появляется съ того лишь момента, когда облегчаются оковы, лежащіе на печатномъ словѣ, и та страна, которая знаетъ свободу печати въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самую прочную консервативную печать» (Фойницкій). Теперь на очередь волей Государя Императора поставлена величайшая государственная реформа — организація народнаго представительства. Но этой реформѣ должно предшествовать освобожденіе печати: иначе Государственная Дума или Земскій Соборъ не увидитъ съ своей средѣ того благоразумнаго большинства, которому могутъ быть ввѣрены интересы страны—этому большинству не образоваться безъ свободной печати. Освобожденіе печати неотложно: его ждутъ и государство и общество.